RURZAX

ЧЁРНЫЙ КОПАТЕЛЬ

1

Клад с неприятным сюрпризом

18+

RURZAX

Клад с неприятным сюрпризом

«Автор»
2026

RURZAX

Клад с неприятным сюрпризом / RURZAX — «Автор», 2026

Артём Горин, обычный автомеханик из Кобрина, хотел всего лишь найти старый клад и немного поправить своё финансовое положение. Но вместе с деньгами он выкопал кое-что похуже — древний магический артефакт, из-за которого граница между миром живых и мёртвых начала разваливаться.Теперь по городским улицам разгуливают призраки, упыри вылезают из могил, а за находкой охотятся бандиты, вампиры и другие личности с весьма сомнительной репутацией.В придачу Артём получил странный перстень, способность видеть нечисть и знакомство с ведьмой Мариной, у которой собственное представление о том, как следует решать проблемы.Впереди — опасные поиски, магические схватки, погони, сделки с потусторонними существами и встречи с теми, кого нормальные люди предпочитают не тревожить.Артёму предстоит разобраться, кому принадлежит найденный клад, почему за ним началась настоящая охота и как не угробить целый город из-за желания немного подзаработать.

© RURZAX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Находка под корнями 5
Глава 2. Неправильные лица 12
Глава 3. Лестница по кругу 19
Глава 4. Клад нужен всем 26
Глава 5. Двор против чужаков 33
Глава 6. Сосед, который умер 40
Глава 7. Плата за воду 47
Глава 8. Ночной рынок 53
Глава 9. Берег помнит 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

RURZAX
Клад с неприятным сюрпризом

Глава 1. Находка под корнями

В Жилино я приехал за деньгами. Хотелось, конечно, сказать «за приключениями», но приключения в моём возрасте обычно начинаются с поломки машины и заканчиваются чужим счётом за ремонт. На карте и наличными у меня оставалось тридцать восемь тысяч рублей. До зарплаты — почти две недели. В холодильнике дома жила одинокая банка горчицы, а мой старый автомобиль каждое утро всё убедительнее намекал, что однажды не заведётся.

На пассажирском сиденье лежал маленький кожаный кошель Коргина, а в нём — клочок плотной ткани с присохшей землёй и застрявшим в складке яблоневым листком. Сергей умер три года назад. Кошель передал старый приятель Сергея. Он помнил странную привычку Коргина: Коргин прятал заработанное там, где путник останавливается перед дорогой. А ещё приятель упомянул самую старую яблоню у заброшенного погоста. За подсказку я заплатил пять тысяч ещё на прошлой неделе. Нынешние тридцать восемь тысяч — всё, что осталось. Судя по всему, пять тысяч я выбросил зря. Здравый смысл вдобавок советовал не приближаться к кладбищенской ограде.

— Ещё раз потрачу выходной на стариковские сказки, — пообещал я зеркалу заднего вида, — куплю себе аквариум. Рыбы хотя бы не требуют бензина.

Деревня встретила меня лаем собак, запахом мокрых листьев и указателем, который стоял под таким углом, словно стеснялся собственного существования. За последними домами тянулся старый сад. Дальше начиналась заброшенная часть погоста, отгороженная кривыми железными прутьями. Приятель Коргина говорил, что возле самой старой яблони, у забытой ограды, земля однажды просела после сильного дождя.

Я заглушил двигатель возле покосившегося забора. Солнце ещё поднималось, трава блестела от росы. Приятное утро для человека, который собирался выкопать чужие неприятности.

— Эй, молодой! — окликнули меня из-за калитки.

Из огорода вышел сухой старик в ватнике, с ведром картошки в руке. Он оглядел мою лопату и рюкзак, потом нахмурился.

— Грибы здесь не растут.

— Я заметил. Зато картошка у вас растёт. Поздравляю.

Старик поставил ведро на землю.

— К могилам идёшь?

— К старым яблоням.

— Значит, к могилам. Самая старая яблоня у самой ограды растёт.

Он подошёл ближе. От него пахло землёй и табаком.

— Коргин тоже туда ходил. Думал, хитрее всех. Говорил: кто мои собственные заначки найдёт, тому и заработок. А потом неделю по ночам орал, будто кто-то стучит ему из-под пола.

У меня внутри неприятно шевельнулось. О Коргине старик явно слышал. А вот историю со стуком рассказывал так, словно сам его каждую ночь слушал.

— Может, мыши?

— Мыши по имени человека не зовут.

Я поправил лопату на плече.

— А кто зовёт?

Старик посмотрел за мою спину. Утренний ветер внезапно стих. Даже собака у крайнего дома заткнулась.

— Не трогай бронзу, — сказал он. — Земля серебро прощает. Бронзу здесь помнят.

— Хорошо. Увижу бронзовый памятник, обойду.

— Шутить будешь, когда живым вернёшься.

Он поднял ведро и ушёл в огород. Я хотел спросить ещё кое-что, но калитка уже захлопнулась. Странные старики — местная достопримечательность. У каждого деревенского магазина обязательно найдётся один, готовый предупредить о конце света, налогах и соседской козе. Этот почему-то говорил о бронзе.

За садом было тихо. Возле самой старой яблони из земли торчал расколотый камень, а над ним низко свисали ветви. Когда-то рядом стояла скамья: среди корней ещё торчали два ржавых крепления от ножек. Здесь и правда мог остановиться уставший человек, прежде чем идти дальше. Под яблоней земля просела сильнее, чем вокруг. Я отгрёб листья и взялся за лопату.

— Коргин, если ты оставил здесь банку с советскими пуговицами, я найду способ пожаловаться тебе лично.

Рюкзак положил под дерево. Земля оказалась мягкой, почти чёрной. Лопата входила легко. Меня насторожило, насколько легко она поддавалась. Чуть глубже лопата упёрлась в сплетение корней; те держались крепче закисшей гайки на старом грузовике. Я работал медленно, берег ладони. На основной работе ими ещё предстояло крутить чужие железяки.

Через полчаса лопата ударила во что-то твёрдое.

Я опустился на колено и разгреб землю руками. Показалась доска с потемневшими металлическими уголками. За ней — ещё одна. Ящик сидел под корнями наискось, словно дерево за годы пыталось вытолкнуть его наружу.

Сердце забилось быстрее. В такие минуты даже взрослый человек, который отлично знает стоимость своих ошибок, начинает верить в богатство.

Я расчистил крышку, нашёл сгнивший ремень и потянул. Дерево хрустнуло. Изнутри пахнуло сыростью и чем-то сладковатым, похожим на старую церковную свечу.

Под тряпицей лежали несколько монет, потемневший складной нож, кожаный блокнот и круглая бронзовая пластина размером с ладонь. В углу поблёскивал перстень. Камень у него был чёрный, с глубокой красной жилкой внутри. Отдельно лежал небольшой свёрток банкнот. Бумага расползалась от влажности. Часть купюр выглядела настолько древней, что расплатиться ими можно было разве что с музейной кассой.

На внутренней стороне крышки я увидел глубокую царапину, оставленную креплением старого замка. Выходило, ящик открывали после того, как его закопали. Коргин мог возвращаться к тайнику — и всё равно оставил бронзу под корнями. Я провёл пальцем по тёмной борозде и снова посмотрел на бронзу: эту вещь здесь явно прятали не ради заработка.

— Ну хоть не пуговицы.

Я поднял пластину. Она оказалась неожиданно тяжёлой. По ободу шли борозды, сходившиеся к знаку, похожему на ворота с загнутыми створками. На обратной стороне кто-то выцарапал два имени. Одно читалось ясно: «Аксинья». Второе почти исчезло под зелёным налётом.

В тот момент за оградой скрипнула калитка.

Я выпрямился. С той стороны никого не было. Ветер вернулся, зашуршал засохшими листьями. Из ямы тянуло холодом. Я сгреб в рюкзак блокнот, нож, купюры и монеты, следом спрятал бронзовую пластину и взялся за перстень.

Он был тёплым.

Влажная земля, холодная осень, ящик, пролежавший под корнями неизвестно сколько лет, — и тёплое кольцо. Я несколько секунд разглядывал камень. Красная жилка внутри будто чуть сдвинулась. Я надел перстень на безымянный палец правой руки: дёрнуло же проверить размер. Он сел точно по руке. Снять его сразу не получилось, но я решил, что пальцы просто опухли от лопаты.

— Так. Это уже интересно.

За моей спиной что-то ударило по железным прутьям.

Я обернулся и увидел человека у ограды. На нём висел старый, измазанный землёй пиджак. Лицо было серым, будто вылепленным из сырой глины. Между губ торчали тёмные зубы. Мужчина держался за прутья обеими руками и смотрел прямо на раскрытый ящик.

— Положи, — сказал он.

Голос у него оказался низким и сиплым. Обычный голос человека, которому давно пора бросить курить. Только из его рта шёл белый пар. На улице было прохладно, но я после работы лопатой даже вспотел.

— Вы хозяин участка? — спросил я.

— Положи бронзу.

— А вы уверены, что она ваша?

Человек поднял голову. На шее у него чернела полоса, словно кто-то когда-то затянул там верёвку. Из-под воротника высыпалась сухая земля.

Мне захотелось отступить. Очень сильно. Организм оказался умнее головы: при виде мертвеца он не стал требовать доказательств.

— Я сказал, — прохрипел незнакомец, — положи.

Прутья ограды прогнулись. Он раздвинул прутья, как хворост, и оказался на моей стороне. Ноги у него двигались неровно, зато расстояние сокращалось слишком быстро.

Я поднял лопату.

— Дальше не надо.

Мертвец посмотрел на железный штык. Его губы растянулись, обнажив дёсны.

— Железом грозишь, живой? Попробуй.

Он бросился первым. Я встретил его ударом лопаты по плечу. Раздался противный треск, будто ломали мокрые доски. Незнакомец качнулся, но на ногах удержался. Мертвец вцепился в древко рядом с моими руками. Холод проник сквозь дерево, мгновенно сведя пальцы судорогой.

Я отпустил лопату, отшатнулся и ударил его ногой в грудь. Получилось плохо. Он пах сырой могилой, старым воском и горьким дымом. От этого запаха к горлу подступила тошнота.

— Где бронза? — спросил он.

— У краеведа, — выдохнул я. — А я так, мимо копал.

Мертвец схватил меня за куртку и швырнул в яблоню. Спиной я врезался в ствол, посыпались сухие плоды. Воздух вышибло из лёгких.

Он шёл ко мне, чуть волоча левую ногу. Я видел трещину на его щеке и землю под ногтями. Невозможно было поверить, что это происходит со мной. Совсем недавно я думал, как дотянуть до зарплаты. Теперь выбирал, какой рукой удобнее отбиваться от покойника.

Я нащупал камень и метнул ему в лицо. Попал. Мертвец дёрнул головой, на секунду прикрыл глаза. Мне хватило времени, чтобы схватить рюкзак и рвануть к садовой дорожке.

За спиной послышался хрип:

— Не уйдёшь.

Холод ударил между лопаток.

Я споткнулся. Ноги сделались чужими. Под рёбрами что-то болезненно сжалось, словно невидимая рука взяла сердце в кулак. Земля качнулась. Я рухнул на колени, пытаясь вдохнуть, но воздух не шёл.

Мир быстро потерял краски. Сначала исчез зелёный цвет травы. Потом посерели деревья. Края зрения затянуло темнотой.

Я слышал собственное сердце. Два коротких удара. Ещё один. Долгая пауза.

«Вот и всё, — подумал я с обидой. — Умер из-за железки. И даже не узнал, сколько она стоит».

Правая рука в последней судороге скрючилась. Перстень, который я по глупости надел у ящика, больно стиснул палец. Чёрный камень раскалился.

Вспышка прошла под кожей, будто мне залили в руку жидкий огонь. Я хотел закричать, но лёгкие по-прежнему не слушались. На секунду перед глазами возник тёмный коридор. По обеим его сторонам стояли люди. Женщина в мокром платье, мальчишка с разбитым лбом, старик без одного ботинка. Они смотрели на меня молча. За их спинами тянулись двери, слишком узкие для живого человека.

Из глубины коридора прозвучало:

— Рано.

Моё сердце дёрнулось. Боль выстрелила в плечо.

Я открыл глаза и увидел землю перед лицом. Правая рука горела от боли. На безымянном пальце сидел перстень; красная жилка в камне светилась, а кожа под оправой выглядела обожжённой.

Мертвец стоял в нескольких шагах. Последний остаток его могильного удара ещё тянулся ко мне белёсой полосой. Холод свернулся вокруг перстня узким вихрем и оборвался.

Внутри меня поднялась ярость. Совершенно тупая, животная. Жить хотелось гораздо сильнее, чем понять происходящее.

— Получи, сволочь.

Я выставил руку.

Из камня вырвался короткий чёрно-красный толчок. Воздух передо мной смялся, будто невидимый кулак ударил по стеклу. Мертвец отлетел к ограде и врезался в неё спиной. Железо загудело. С сухих ветвей посыпались листья.

Одновременно боль так выкрутила кисть, что я почти потерял сознание. Перстень не сдвинулся с пальца. Руку трясло. Я кое-как вдохнул. Потом ещё раз. Сердце колотилось беспорядочно, но колотилось.

Мертвец зашевелился у ограды. Я не собирался выяснять, сколько раз можно ударить его этим кольцом. Одного мне хватило на всю оставшуюся жизнь, какой бы короткой она ни оказалась.

Я вскочил, подхватил рюкзак и помчался к саду.

У калитки между деревьями стояла старуха.

Седые волосы прятались под чёрным платком. Пальцы у неё были длинные, сухие. На плечах — старомодная тёмная кофта. Она смотрела на меня с выражением хозяйки, заставшей гостя за кражей семейного серебра.

— Торопишься, Артём Горин?

Я затормозил так резко, что едва не упал.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Ты его принёс. На себе.

— Это, конечно, многое объясняет.

Старуха взглянула на мою руку. Лицо её изменилось. На один короткий миг в глазах мелькнуло настоящее удивление.

— Чёрный отклик, — произнесла она почти шёпотом. — Коргин всё-таки спрятал его здесь.

За спиной захрипел мертвец.

— Аксинья! Он взял Печать!

Старуха не обернулась.

— Вижу, Прохор. Ты ещё весь сад разбуди. Потом будешь жаловаться, что мёртвые не дают покоя.

— Он вытащил её из земли!

— Слышала с первого раза.

Я сделал осторожный шаг в сторону дорожки. Старуха подняла палец, и калитка захлопнулась сама собой. Между прутьями проступили тёмные фигуры. Их лица были неподвижны, глаза — пусты. Они стояли в земле по колено и постепенно становились яснее.

Мой желудок окончательно отказался участвовать в сегодняшнем дне.

— Верни бронзу, — сказала Аксинья.

— Верну. Дайте только дойти до машины и отдышаться. Вон там, у ограды, и положу.

— Ты и так слишком далеко её унес.

— Метров сорок.

— Для этой вещи и сорок шагов — длинная дорога. Моей воли теперь мало, чтобы всё поправить. Ты сорвал старую границу.

Она подошла ближе. Её тень скользнула по траве отдельно от ног. За спиной старухи возникла старая деревянная ограда, которой секунду назад не было. Из-за неё выглядывали люди в разных одеждах: женщина с корзиной, мужчина в шинели, молодая девушка с косой. Никто не дышал. Ни один не моргал.

Я видел их так отчётливо, что различал потёртые воротники, грязь на пальцах, пустые взгляды. У девушки на рукаве болталась оторванная пуговица, у мужчины в шинели дрожали потрескавшиеся губы. Рядом с яблоней стоял старик с ржавыми садовыми ножницами. Его полупрозрачная ладонь медленно скользила по стволу.

— Что со мной? — спросил я.

— Ты заглянул туда, куда живым хода нет. И вернулся. Теперь глаза у тебя будут беспокойные.

— Их можно как-нибудь успокоить?

— Нельзя.

Она сказала это буднично, как цену картошки на рынке.

У меня задрожали ноги. Отступать было некуда. Прохор поднимался за спиной, мёртвые стояли впереди, а я сжимал рюкзак с бронзовой пластиной и чувствовал себя особенно глупым.

— Вы кто вообще?

— Аксинья. Хозяйка здешнего погоста.

— Должность выборная?

— У тебя язык, мальчик, дольше головы жить собирается.

Она протянула ладонь.

— Печать.

Я уже потянулся к рюкзаку, когда из-под земли донёсся тихий звон. Один удар, будто ложкой коснулись края стакана. Потом под оградой раскололась полоса почвы, хотя никто её не трогал. Аксинья обернулась. Фигуры у калитки дрогнули.

Прохор втянул голову в плечи.

— Это не наш звон, — прошептал он. — Граница пропускает чужого.

За оградой, там, где только что стоял ряд старых памятников, появился просвет, похожий на узкий проход. В просвете мелькнул человек в длинном сером пальто. Он держал что-то блестящее; лица я не разглядел. Второй звон ударил по ушам. Проход уже закрывался, и я не понял, успел ли незнакомец выйти.

Аксинья выругалась. Старушечий голос исчез, на его месте прозвучал хриплый скрежет камня о камень.

— Чужой ход! На моей земле! Вот что ты сделал с Печатью!

Тени у калитки повернулись к кладбищу. Стало слышно, как под землёй двигаются тяжёлые камни. Я не стал ждать, пока старуха закроет новый разрыв. Пока Аксинья пыталась удержать тени у ограды, я бросился влево, туда, где сад выходил к дороге.

— Горин! — крикнула она. — Бронзу не увози!

В двух шагах от меня земля приподнялась. Из неё вылезла тёмная рука и ухватила за штанину. Я рухнул на бок, ударился локтем, извернулся и стукнул каблуком по пальцам. Рука рассыпалась комьями сырой земли.

Я покатился под нижними ветками яблони. Рюкзак зацепился за сук. Ткань натянулась, шов затрещал. Я дёрнул сильнее, ремень соскочил с сука, и я побежал дальше.

Позади поднялся шум. Несколько голосов заговорили разом, в ограде зазвенело железо. Над кладбищем мелькнул холодный голубой свет. Я видел его сквозь листву, хотя солнце било прямо в глаза. За мной грохнула калитка: Аксинья запирала кладбище, и я не собирался проверять, успею ли вернуться.

У машины дрожащими руками я искал ключи дольше, чем следовало. Они лежали в привычном кармане, только пальцы почти не слушались. В какой-то момент мне показалось, что рядом с водительской дверью стоит мальчик в серой рубахе. Он глядел на меня снизу вверх и держал старый деревянный волчок.

— Дяденька, — сказал мальчик, — вы тоже не туда идёте?

Я моргнул. Он исчез. На земле остался мокрый след босой ноги.

— Это уже совсем плохо.

Дышать всё ещё было больно, а кисть дрожала так, что я едва удерживал ключ. Я велел себе добраться домой и уже там разбираться с болью. Двигатель завёлся со второй попытки. Я вырулил на узкую дорогу, цепляя колёсами обочину. В зеркале мелькнула старуха. Она стояла у сада, не двигаясь, и смотрела вслед машине. За её спиной Прохор держался за погнутую ограду.

На повороте у деревенского магазина я едва не врезался в припаркованный фургон. Перед ним толпились люди. Живые, обычные, с пакетами и утренними заботами. Между ними стояла женщина в длинном синем платье, с которого текла вода. Ручьи стекали по асфальту, хотя небо было чистым. Она повернула ко мне голову. Лицо у неё оказалось молодым и смертельно усталым.

Я отвёл глаза. На секунду. Этого хватило, чтобы колесо попало в яму и машину тряхнуло.

— Смотреть на дорогу, Горин. На настоящую дорогу.

Я повторял это вслух ещё несколько минут. Привычный голос помогал держаться. На въезде в Кобрин телефон завибрировал. Звонил начальник мастерской, Борисыч. Я взглянул на экран и ответил через громкую связь.

— Артём, ты завтра к восьми?

— К восьми.

— Только без своего «ну, я почти приехал». У нас три машины стоят.

— Буду.

— Голос какой-то. Опять с похмелья?

— Кладбищем слегка продуло.

— Чего?

— Ничего. Завтра увидимся.

Я завершил вызов. Обычный разговор об обычной работе чуть не довёл меня до истерического смеха. Борисыч беспокоился о трёх машинах. Я только что едва не умер от проклятия покойника, а завтра должен был спокойно обсуждать изношенные тормоза.

Пальцы правой руки вновь свело. Перстень туго сидел на коже, красная жилка потускнела. Я попробовал снять его левой рукой на светофоре. Кольцо не сдвинулось даже на миллиметр. Боль прострелила запястье, так что я едва не ударил по рулю.

— Отличная покупка. Пять тысяч за подсказку, бесплатный мертвец и украшение, которое не вернуть в магазин.

За окном тянулись торговые павильоны, рекламные щиты, свежевыкрашенные остановки. Город выглядел как всегда. Люди спешили по делам, автобус подрезал такси, мужчина у перехода ругался в телефон. Только я теперь видел ещё кое-что.

На крыше остановки сидела старушка в старинной шали. Ноги её проходили прямо сквозь пластик. У подъезда нового дома мужчина без лица пытался открыть дверь связкой ржавых ключей. На мосту над рекой стояла босая девушка, и ветер не трогал её волосы.

Я крепче сжал руль. Я ещё не привык замечать всё это разом. Знакомый город внезапно казался опаснее чужого леса.

На соседнем сиденье лежал рюкзак. Из неплотно закрытого кармана виднелся угол бронзовой Печати. Мне хотелось вернуться, отдать её старухе и забыть утро. Потом вспомнил её слова: одной её воли уже недостаточно. Из земли открылся ход, которым кто- то успел воспользоваться. Если просто бросить Печать у калитки, разрыв мог остаться. Я понятия не имел, кому её возвращать и кто тот человек в сером пальто. Знал только, что оставить всё как есть не получится.

У старого сквера светофор загорелся красным. Я остановился, посмотрел на своё отражение в боковом стекле и похолодел.

В боковом стекле отражался тот самый мальчик с волчком. Он сидел на заднем сиденье, прямо за моей спиной. От бронзовой пластины в рюкзаке по салону тянуло холодом, словно мальчик прицепился именно к ней.

Я резко обернулся.

Салон был пуст.

Снова посмотрел в отражение. Мальчик никуда не делся. Он качнул головой и сказал совсем тихо:

— Дяденька, он уже идёт за вами.

Светофор переключился. Сзади нетерпеливо посигналили. Я тронулся с места и впервые за много лет по-настоящему захотел, чтобы всё происходящее оказалось обычным нервным срывом.

Рюкзак на соседнем сиденье негромко звякнул. Под тканью что-то сдвинулось, и в салоне запахло нагретой медью.

Впереди начинались улицы Кобрина. Мой город, моя работа, моя привычная жизнь.

Похоже, сегодня я привёз туда кое-кого лишнего.

Глава 2. Неправильные лица

Будильник заорал в семь. Я нащупал телефон, выключил сигнал и прислушался к лестничной площадке. После вчерашней встречи с Прохором обычный утренний шум уже казался роскошью. За дверью кто-то шаркал тапками. По крайней мере, звук был вполне человеческим.

Я лежал, глядя в потолок, и слушал, как на кухне капает кран. Вчерашнее не собиралось меня отпускать. Когда я протянул руку к стакану воды, пальцы плохо послушались, а под рёбрами отозвалась тупая боль. На безымянном пальце по-прежнему сидел перстень с чёрным камнем. За окном шуршали шины. В комнате пахло пылью, прогретой батареей. Обычное утро. Только тело упрямо напоминало, где я провёл предыдущий день.

Мальчика с волчком нигде не было. Я проверил зеркало шкафа, стекло телевизора и даже тёмное окно ванной. Получилось как в дурном фильме, только зритель за это денег не платил. Из зеркала на меня смотрел невыспавшийся человек с налитыми кровью глазами. На подбородке обнаружилась царапина, которую вчера я не заметил.

Я подставил пальцы под холодную воду и попробовал сдвинуть перстень. Тот не поддался; боль прострелила до локтя. После вчерашней попытки сорвать его силой эксперимент выглядел особенно глупо. Когда я попытался разогнуть ладонь, красная жилка под камнем едва заметно шевельнулась. На этом наши утренние переговоры закончились.

Рюкзак стоял под столом. Вчера я задвинул его туда, накрыл старой курткой и перед сном дважды проверил замок квартиры. Бронзовую Печать вынимать не хотелось. Она и сквозь ткань напоминала о себе: рядом с рюкзаком воздух оставался неприятно холодным. Телефон показывал половину восьмого. Борисыч ждал меня к восьми, а дорога до мастерской занимала четверть часа, если город не собирался наказать всех автомобилистов разом.

Я умылся, натянул чистую футболку и взялся за шнурки. Узел расползался, стоило мне попытаться затянуть его повреждёнными пальцами. Пришлось справляться левой рукой, негромко поминая производителей обуви. На кухне обнаружились два яйца, подсохший хлеб и та самая горчица. Я съел яйцо стоя. Второе взял с собой. Зарплату мне обещали через двенадцать дней. На карте и в кошельке оставалось тридцать восемь тысяч. На еду хватало. На починку вчерашнего мира — вряд ли.

Мать с утра прислала сообщение: «Отцу позвони, он опять воюет с дверной петлёй». Игорь Павлович даже на пенсии считал любую скрипучую вещь личным вызовом. Я ответил, что позвоню вечером, и потянулся за курткой.

Печать я оставил дома. Несколько минут я стоял над рюкзаком, прикидывая, что будет хуже: таскать проклятую бронзу по мастерской или оставить её под столом. В мастерской было полно людей, и не хотелось, чтобы новая нежить полезла из моего шкафчика прямо при клиенте. Я убрал рюкзак за старую коробку, задвинул стул и вышел.

На площадке пахло краской и чьим-то завтраком. Лифт спускался с верхних этажей. Я нажал кнопку, поднял глаза и увидел за матовым окошком двери человеческое лицо. Его владелец стоял внутри кабины слишком близко к стеклу. Бледное лицо с серыми губами смотрело прямо на меня. Подъехавший лифт распахнулся. В кабине оказалась одна женщина с пакетом.

— Вы идёте? — спросила она.

— Передумал, — ответил я.

Женщина пожала плечами. Двери закрылись. Я пошёл по лестнице. На третьем этаже меня обогнал мальчишка с портфелем, на втором какая-то соседка ругалась по телефону. Жильцы занимались своими делами. А в просвете между перилами на миг мелькнули босые ноги, зависшие в воздухе этажом выше. Я не стал поднимать голову.

У гаража автомобиль встретил меня скрипом водительской двери. До работы я добрался осторожно: на поворотах раненая рука только мешала держать руль. У мастерской было тесно:

серый кроссовер с поднятым капотом, белый фургон и чей-то старый универсал. Над входом висела вывеска «Автосервис на Южной». Борисыч любил говорить, что честнее названия не придумать. Сервис действительно стоял на Южной улице, а вот с честностью поставщиков деталей дела обстояли сложнее.

— Горин! — раздалось из ворот. — Ты время видел?

— Без трёх восемь.

— Значит, сегодня часы у тебя идут правильно. Это радует. Выглядишь так, будто под трактор попал.

Я осторожно закрыл дверцу.

— С землёй поспорил. Земля победила.

Борисыч оглядел моё лицо и руку. Большой, седой, в потёртом жилете, он умел увидеть чужую халтуру раньше, чем сам халтурщик успевал её совершить.

— Перчаткой это не спрячешь. Универсал осмотри с напарником. С тормозами не геройствуй; потом, если рука мешает, сядешь на приёмку.

— Справлюсь.

— Вот и справляйся с головой. Клиенту без разницы, насколько у нас сегодня боевой механик.

С деньгами Борисыч умел говорить убедительно. Я переоделся и пошёл к универсалу. В цеху пахло маслом, резиной, сваркой из соседнего бокса. Болгарка молчала, компрессор кашлял где-то за стеной. Мир автомеханика был знаком до каждого скрипа. Здесь я понимал, откуда берётся шум и что с ним делать.

Первые двадцать минут всё шло прилично. Напарник поднял универсал, а я заметил на внутренней стороне одного колеса свежий мокрый след. Позвал Борисыча. Тот пригляделся, покачал головой и пошёл обсуждать ремонт с владельцем. Мне оставалось проверить, не капает ли дальше. Раненые пальцы толком не удерживали фонарик, и я сунул его в нагрудный карман, направив свет под машину.

— Эй, работник. Гайку раздавишь.

— Там, за тобой, чужой стоит.

Я дёрнулся и ударился плечом о подъёмник. На бетоне лежала крохотная гайка. Рядом с ней сидел старик ростом мне по колено, в засаленной жилетке и с густой седой бородой. Казалось, он всю жизнь провёл между шкафом с ветошью и ведром отработки. Ноги у него были обуты в крохотные валенки.

— Ты кто? — прошептал я.

— А сам как думаешь? — Старик поднял гайку, подул на неё и сунул в карман. — Вчера не видел, сегодня уставился. Не люблю такие перемены.

Я отступил. Старик не пропал. Он стукнул костяшкой пальца по бетонному полу, и за моей спиной хлопнула дверь подсобки.

— И под тряпку в кладовой не лазь, — добавил он. — Там мышиные тропы. Мне удобнее, когда вы их не трогаете.

— Ты у нас живёшь?

— Я у себя живу. А вы тут гайки теряете.

Из-за фургона вышел Борисыч.

— С кем разговариваешь?

Я разогнулся так резко, что под рёбрами стрельнуло.

— С гайкой. Упрямая попалась.

— Хорошо бы она тебе за работу заплатила. Клиент согласовал ремонт, напарник доделает. Ты пока выйди подышать. На тебя смотреть страшно.

Старик показал Борисычу язык. Начальник его не заметил. Вот тогда мне стало окончательно ясно, что вчерашняя беда не осталась в Жилино. Она устроилась у меня на работе и, судя по виду, собиралась требовать отдельный шкафчик.

Я помог напарнику закончить то, что мог сделать без усилия. Борисыч проверил результат и ещё раз велел не геройствовать. Потом отпустил меня на пятнадцать минут. Хотелось тишины, кофе и хотя бы одного лица, которое принадлежало своему владельцу.

За соседним кварталом начинался маленький сквер, а за ним стояло кафе с пластиковыми столиками. Люди ждали автобус, ругались из-за расписания, покупали булочки. На бордюре сидела девушка в красном пальто. С виду лет двадцать. Она непрерывно повторяла одну фразу человеку, которого рядом не было:

— Я же сказала, что приду.

Пешеходы проходили сквозь край её пальто. Девушка сидела неподвижно, а обронённая кем-то бумажная салфетка просвечивала через её ботинок. Я замедлил шаг. Она повернула голову. Лицо было обычным, грустным. От этого по спине пробежал холод.

— Простите, — сказал я.

Девушка вскинула глаза, будто не верила, что обращаются к ней.

— Вы его видели?

Я посмотрел туда, куда она указала. На дороге стоял автобус. Из салона выходили пенсионеры с хозяйственными сумками. Обычная остановка в обычное утро.

— Кого?

Девушка распахнула рот, но звук пропал. Её лицо стало прозрачным. На мгновение я увидел сквозь него рекламный плакат. Потом растаяла. На бордюре осталось мокрое пятно, хотя дождя с утра не было.

— Молодой человек, у вас всё нормально? — спросила женщина с коляской.

— Да. Извините.

— Вы с пустым местом разговаривали.

— Пытался вспомнить, где оставил машину.

Женщина отъехала подальше. Я смотрел ей вслед и думал, что скоро мастерская получит от клиентов новые отзывы: «Машину чинят, зато механик беседует с асфальтом». Борисыч такого не переживёт.

Я свернул к остановке. У края тротуара стоял мужчина в сером костюме. Он держал газету и изучал её вверх ногами. Руки были грязные, будто он только что копался в мокрой земле. Когда я проходил мимо, мужчина поднял голову. Там, где должна была быть нижняя челюсть, темнел провал. Газета зашуршала без ветра.

Я попятился и налетел на девушку с телефоном.

— Смотрите, куда идёте!

— Виноват.

Мужчина с газетой сделал шаг ко мне. Девушка прошла прямо через его плечо, не заметив ничего. У меня оборвалось дыхание. Я сделал ещё шаг назад и оказался у самого края проезжей части.

Слева взревел автобусный гудок.

Я успел увидеть огромные буквы на лобовом стекле, грязный номер маршрута и перепуганное лицо водителя. Кто-то схватил меня сзади за куртку. Я рухнул на тротуар и едва не сбил женщину с пакетом. Автобус пронёсся так близко, что горячий воздух ударил в щёку.

— Совсем обалдел?! — крикнул мужчина, который меня дёрнул. — Под колёса полез!

— Спасибо, — выдавил я.

— Скажи спасибо водителю, что успел отвернуть! — Мужчина показал вслед автобусу и пошёл прочь, продолжая ругаться.

Мне хотелось сесть прямо на плитку. Мужчина с газетой по-прежнему стоял у остановки, но теперь смотрел в другую сторону. Он никого не преследовал. Возможно, я вообще не был ему нужен. Я едва не погиб из-за собственного испуга. Эта мысль оказалась неприятнее его отсутствующей челюсти.

Я постоял у бордюра, пока перестали дрожать колени. К остановке подошёл следующий автобус. Люди обходили меня с таким видом, будто я мешал им заниматься вполне разумными делами. Мужчина, который оттащил меня от колёс, уже перешёл дорогу. Я хотел его догнать, но пока боялся приблизиться к проезжей части.

Мёртвый в сером костюме мог сколько угодно пугать прохожих, которые его не замечали. Живой водитель не обязан был понимать, почему я вдруг шарахнулся под колёса. Достал телефон, подумал, кому можно рассказать о вчерашнем упыре и сегодняшнем человеке без челюсти, и спрятал обратно. Такого разговора не выдержали бы даже самые терпеливые мои знакомые.

Чёрный камень на пальце оставался тусклым. Перед автобусом перстень не дрогнул. Против обычной машины он меня не защитит; следующий раз придётся смотреть под ноги самому.

В кафе я взял кофе и пирожок. Терминал пискнул, списав двести сорок рублей. От этого простого звука почему-то стало легче: хотя бы продавец не собирался требовать плату за вход в загробный мир.

Я сел лицом к окну. Через дорогу на остановке мужчина в костюме продолжал читать газету. Девушки в красном пальто не было. У двери кафе сидела собака и смотрела на старичка в распахнутом пальто, с чёрной повязкой, сползшей на глаза. Он тихо напевал, поводя руками перед мордой животного. Собака скулила.

— Вы пса не трогайте, — сказал я, сам не понимая, зачем.

Старичок повернулся. Повязка скрывала глаза. Улыбка на лице появилась слишком медленно.

— Видишь, значит.

— Не очень хочу.

— Тогда не смотри.

Он поднялся, шагнул к порогу. Солнечный свет прошёл сквозь его плечо, а сам он растворился возле косяка. Собака рванула прочь, едва не опрокинув мусорное ведро. Хозяйка кафе высунулась из-за стойки.

— Мужчина, вы это кому?

Я положил пирожок.

— Собаке. Чтобы не лаяла.

— Она и не лаяла.

— Мы договорились заранее.

Хозяйка посмотрела на меня долгим взглядом. Я допил кофе и вышел, оставив половину пирожка на тарелке. Стало ясно, что смотреть на этих существ опасно само по себе. Они замечали мой взгляд. Некоторые, кажется, ещё и радовались.

В мастерской Борисыч встретил меня словами:

— Я дал тебе пятнадцать минут, а ты пропал почти на сорок.

— Воздуха оказалось больше, чем рассчитывал.

— Зато времени у тебя меньше. Долг вернёшь работой.

Он сунул мне ключи от фургона: владелец жаловался на непонятный стук. Я прокатился по двору и нашёл под сиденьем забытый гаечный ключ. Тот ударялся о крепление на каждой кочке. На этом ремонт закончился. Такие поломки я любил: нашёл причину — и никто не пострадал. За свои приключения под автобусом мне сегодня никто платить не собирался.

Старик в жилетке снова возник возле стеллажа. Он вынул из кармана ту же гайку, покатал на ладони и кивнул в сторону подсобки.

— Там поговорим.

— Я занят.

— Ты сейчас занят тем, что постоянно оглядываешься. Ещё час так поработаешь — и Борисыч отправит тебя домой. А до зарплаты далеко.

Я замер. Старик ухмыльнулся. Говорил он голосом человека, который привык учитывать чужие счета.

— Пять минут, — сказал я.

— Вчера ты меня в упор не видел, а сегодня торгуешься. Ладно, пять.

В подсобке пахло ветошью. Из-под двери на пол ложилась полоска света. Старик уселся на перевёрнутое ведро, хотя я не видел, как он успел пройти следом. Дверь за моей спиной щёлкнула.

— Эй. Только без этого.

— Я прикрыл, — ответил он. — Здесь мой угол. Пока хозяева не снесли старую стену, могу двери придерживать. За воротами меня никто не послушает.

— Ты домовой?

— Семён. Если кому важно. Борисыч меня не слышит, а вот его дед слышал. Добрый был мужик. Порядок уважал.

— А здесь ты с какого времени?

— Дольше вашего сервиса. Раньше склад был. Потом мастерская. Стены перестраивали, а старую кладовку оставили. Мне хватило.

Я опёрся на полку. Вчера мне угрожал упырь, сегодня нравоучения читал карманный старик. К концу недели я, видимо, начну здороваться с каждым шкафом.

— Что со мной произошло?

— По глазам вижу: у смерти побывал и обратно вернулся. Что именно тебя задело, мне знать неоткуда. Но теперь ты нас замечаешь. Меня увидеть — ещё удача. Другие могут и цапнуть.

— Я уже встретил одного без челюсти.

— На остановке? — Семён поморщился. — Не заглядывай ему в газету. Пока считает буквы, он занят своим делом. Если полезешь читать вместе с ним, решит, что ты пришёл к нему.

Я невольно посмотрел на дверь.

— Ты всех их знаешь?

— Конечно нет. И тебе не советую. Одно дело увидеть призрака, другое — начать с ним разговор. Кивнёшь из вежливости — прицепится с вопросами. А пообещаешь что-нибудь — он потом спросит, где обещанное. Думай, кому отвечаешь.

— Можно их перестать видеть?

Семён покачал головой.

— Не ко мне. Я двери знаю. Глаза твои — твоё дело.

Он заметил перстень и перестал улыбаться.

— Откуда это у тебя?

— Нашёл.

— Конечно. Счастливчики всегда находят самое неудобное. Не дёргай его. Оторвёшь палец — кольцо останется, а палец жалко.

— Она меня спасла.

— Значит, уже заплатил болью. Что оно ещё умеет, мне неведомо. Я двери знаю, а с такими кольцами не связываюсь.

Я собирался спросить ещё, но из цеха раздался голос Борисыча:

— Артём! Где ты спрятался?

Семён спрыгнул с ведра, махнул рукой. Дверь отворилась. За ней шумел обычный цех. Мне впервые за день стало приятно слышать компрессор.

— И ещё, — проговорил он, когда я взялся за ручку. — Если из Жилино чего принёс, держи подальше от моего порога. Запах идёт, будто землю только раскопали.

Я обернулся.

— Ты откуда знаешь про Жилино?

— Не знаю. Запах знаю. Не путай.

Он исчез за кучей ветоши. Я вышел в цех, стараясь не смотреть по углам. Семён умел предупреждать, но спасать меня не обещал.

День тянулся через усилие. Я помог принять две машины, выслушал жалобы владельцев и показал напарнику, какой посторонний стук удалось найти с утра. Борисыч пару раз усаживал меня передохнуть. К вечеру я уже не спорил: пальцы заметно распухли, инструмент пришлось отложить. Около шести в мастерской оставались трое, включая меня. Напарник собирал инструменты, Борисыч закрывал кассу. Переодеваясь, я обнаружил пропущенный вызов с неизвестного номера. Звонили днём, когда я стоял у остановки. Перезванивать не стал. Сегодня любой незнакомец казался новой разновидностью неприятностей.

На улице начинались сумерки. Город зажигал вывески, пахло выхлопами и мокрой листвой. Из сквера за дорогой доносилась музыка. Я подумал о рюкзаке под столом, о Печати и о том, как доберусь до квартиры, если в подъезде опять покажется лицо за лифтовым стеклом. Я был бы рад встретить хотя бы одного знакомого живого человека.

— Горин.

Голос донёсся из-за угла мастерской. Хриплый, будто его обладатель проглотил горсть земли и не запил.

Я повернулся. У ворот стоял Прохор. Тот самый мертвец из Жилино. Вчера он лез на меня с ледяными пальцами, а сейчас выглядел ещё хуже: рваный сюртук, серое лицо, клочья сухой травы на плечах. Глаза были прежними — злыми и внимательными.

Я отступил к освещённому входу.

— Ты как сюда попал?

— На машине.

— На какой ещё машине?

— В кузове грузовика. На дороге из Жилина водитель остановился возле ямы, а я забрался за борт. До самого города он даже не заглянул назад. Вот и весь секрет.

— И тебя никто не заметил?

— Водитель — точно нет. Старый рубеж меня прежде не выпускал, а теперь через пролом и на чужой машине выехал. Только обратно дороги не вижу.

Он произнёс последние слова тише. Впервые я заметил дрожь в его руках. Из глубины ворот донёсся грохот — Борисыч опустил металлическую штору над кассовым окошком. Прохор вздрогнул и шагнул подальше от освещённого проёма.

— У тебя Печать, — сказал он.

— Дома.

— Верни.

— Аксинье?

— Верни туда, где ей место. Пока другие не добрались.

Я вспомнил мальчика с волчком в автомобильном стекле и его слова о незнакомце, который уже шёл за мной. Прохор явно знал больше, чем собирался говорить.

— Кто вчера прошёл через разрыв? — спросил я.

Мертвец отступил ещё на полшага. Его лицо словно потемнело изнутри.

— Если ты видел, значит, уже поздно.

— Для чего поздно?

Он оглянулся на сквер. Там за деревьями что-то коротко звякнуло, словно металлическая ложка коснулась стекла. Я узнал этот звон: вчера такой же доносился из-под ограды Жилинского погоста.

— Поговорим подальше от окон, — сказал Прохор. — И без шуточек. Не до них.

Я посмотрел на освещённые окна мастерской. За одним из них мелькнула бородатая мордочка Семёна. Домовой стоял на подоконнике и отчаянно мотал головой: не впускай.

Прохор протянул руку. Не для рукопожатия. Указал за мою спину, на тёмный край улицы.

— Думаешь, за бронзой пришёл? Сначала хотел. Теперь предупреждаю: за тобой уже идут.

В стекле припаркованного фургона я увидел отражение человека в длинном сером пальто. Он стоял у меня за плечом, хотя на асфальте позади никого не было. Я обернулся — за спиной никого. В стекле незнакомец поднял руку и постучал изнутри.

Я отшатнулся, ударился спиной о ворота и услышал, как за железом Семён выругался на совершенно человеческом русском языке.

Прохор оскалил жёлтые зубы.

— Теперь веришь? Печать ему нужна. А тебя он уже нашёл.

Глава 3. Лестница по кругу

Человек в сером пальто снова постучал по стеклу припаркованного фургона. В отражении за моей спиной была пустая улица, но он стоял совсем рядом. Его ладонь расплылась по тёмной поверхности, словно её и впрямь прижали изнутри.

Я отступил от ворот. Прохор ухватил меня за рукав. Холод пробрался даже сквозь ткань; я попробовал разжать его пальцы, но собственная рука на мгновение онемела.

— Не заглядывай ему в лицо, — прошипел Прохор.

— Замечательный совет. Особенно если его лица я толком и не вижу.

В окне мастерской Семён замахал обеими руками. Бородатый старик приоткрыл створку и высунулся лишь до подоконника. Из цеха донёсся голос Борисыча. Начальник требовал убрать инструмент и наконец разойтись по домам. Борисыч ругался по привычным, человеческим причинам. Я бы сейчас с удовольствием поспорил с ним даже из-за оставленного на верстаке ключа.

Незнакомец в стекле склонил голову. У противоположного тротуара притормозила белая «Газель» с облупленной рекламой мебели. Из неё выбрался широкоплечий мужчина в чёрной куртке. Ещё один мужчина в тёмной шапке высунулся следом и остановился у дверцы. Водитель остался за рулём и опустил окно.

— Горин? — окликнул широкоплечий. — Разговор есть.

Прохор отпустил мой рукав.

— Вот они. Живые. За твоей находкой.

— Откуда знаешь?

— Они уже дважды объехали мастерскую. Живые думают, что их никто не замечает.

Мужчина двинулся через улицу. Он перебрасывал из ладони в ладонь плотные рабочие перчатки. Для мирного разговора их надевать не требовалось. Я оглянулся на дверь мастерской. Звать Борисыча? Объяснять ему, что за мной явилась мебельная доставка с покойником в боковом стекле? Борисыч ещё в обед велел не геройствовать. Устроить ему на территории драку с незнакомцами было бы особенно удачным способом лишиться смен.

— Мне домой надо, — сказал я Прохору.

— Печать дома?

— Да.

— Верни её туда, где была старая граница. Только Аксинье в руки не суй: одной ей теперь не справиться.

— Где эта граница? Ты можешь хоть раз сказать по-человечески?

Прохор повернулся к фургону. Мокрая ладонь на стекле исчезла, словно её стёрли тряпкой. Я ещё раз посмотрел за спину. Никого.

— До утра доживи. Тогда и поговорим, — буркнул он.

Широкоплечий уже пересекал улицу. Я нырнул в мастерскую через боковую дверь. Семён захлопнул её у меня за спиной. Щеколда лязгнула так громко, что Борисыч высунулся из-за подъёмника.

— Ты чего дверьми хлопаешь?

— Ветер.

— Какая ещё погода? На улице тихо.

— Местами порывисто.

Начальник посмотрел на мою руку, на лицо и решил не продолжать. Я забрал ключи от машины. Семён потянул меня к стеллажу. За ним вдруг обнаружилась дверь, которой прежде тут не было: обычно там стоял шкаф с ветошью. Сквозь щель тянуло холодом заднего двора.

Домовой сердито дёрнул ручку, словно лично держал проход открытым. За порог он и теперь не шагнул.

— Через главные ворота не суйся, — прошипел он. — Один от тебя могилой пахнет, другие уже чужие карманы меряют.

— Который из них хуже?

— Спроси ещё, каким концом лопаты удобнее тебя поучить.

Я выскочил в задний двор. За спиной коротко скрипнула петля: Семён вернул дверь на привычное место. До машины добрался без приключений, и двигатель, на редкость послушный, завёлся сразу. Когда выкатывался на соседнюю улицу, увидел в боковом зеркале белую «Газель». Широкоплечий успел рассмотреть мой номер. Я свернул за булочную и потерял их из виду, но они уже знали, на чём я езжу.

Я заставлял себя ехать спокойно. Вечерний Кобрин толкался на перекрёстках, мигал вывесками и настойчиво предлагал всем купить шаурму. Я дважды уступил дорогу автобусу, пропустил женщину с коляской и едва не остановился перед призраком, шагнувшим на красный свет. Такси проехало прямо сквозь него. Я вовремя убрал ногу с тормоза. Судя по лицу таксиста, он никого не заметил.

Домой я возвращался дворами. На последнем повороте выждал у магазина, пока проедут две машины, и только потом поставил свою под окнами. Белой «Газели» я не увидел. Пока поднимался домой, всё равно оглянулся на каждой площадке.

В квартире меня встретила тишина и запах вчерашнего холодного чая. Я проверил замок, снял куртку и достал рюкзак из-под стола. Бронзовая Печать лежала в боковом отделении, завёрнутая в полотенце. Я развернул ткань.

Круглая пластина была размером с ладонь. На ней проступали две арки, соединённые поперечной чертой. Вчера я принял рисунок за обычные ворота. При свете лампы заметил в каждой арке крохотный отпечаток ладони: будто за эту границу когда-то отвечали двое. От бронзы тянуло прохладой. Рядом с ней моё отражение в тёмном окне на секунду отстало от движения руки.

Я задёрнул штору, не дожидаясь, пока отражение заживёт собственной жизнью.

Утром я собирался вернуться в Жилино, вытрясти из Аксиньи хоть какие-нибудь ответы и избавиться от бронзы. Вот только куда её возвращать, я понятия не имел, а хозяйка погоста при первой встрече попыталась закрыть меня за оградой. Люди в чёрных куртках, впрочем, выглядели ещё менее разговорчивыми.

Борисыч написал: «Завтра с восьми. Руку береги». Я ответил: «Буду». Пропускать смены не хотелось, а мотаться в Жилино пришлось бы за свой счёт. Всё, что могло принести деньги, оставалось в тайнике. Бронзовую Печать ни один нормальный покупатель не принял бы даже даром.

Я завернул Печать обратно в полотенце, убрал на дно рюкзака и взял ключи от машины. Сидеть дома, дожидаясь, пока люди в чёрных куртках выучат номер квартиры, было дурной идеей. Решил выехать за город ещё сегодня, поговорить с Аксиньей хотя бы через ограду и к ночи вернуться. Может, до утра удастся узнать, как вернуть Печать и не остаться за оградой вместе с Прохором.

У входа в дом ничто не показалось подозрительным. Дворники сгребали листья, подростки спорили у самокатов, с первого этажа пахло жареной картошкой. Я сел в машину, поставил рюкзак на пол перед пассажирским сиденьем и поехал к центральному скверу. Оттуда можно было добраться до дороги на Жилино через проспект, не плутая по жилым улицам.

На светофоре рядом пристроилась белая «Газель».

— Да чтоб вам мебель никогда не собрать, — сказал я.

Широкоплечий сидел рядом с водителем, а между ними маячила тёмная шапка третьего. Увидев меня, широкоплечий улыбнулся, будто мы давно договорились о встрече. «Газель» шла

слева, всё ближе поджимая меня к бордюру. Я сбросил скорость. Справа открылся въезд на парковку у сквера; туда я и свернул, едва не задев колесом край тротуара.

«Газель» затормозила поперёк выезда. Дорогу к проспекту перекрывал грузовик с разгрузкой, и оставшийся проезд оказался слишком узким для разворота. Широкоплечий уже открывал дверь. У парковки светился вход в подземный переход под проспектом. Я хорошо знал его: под дорогой тянулся короткий коридор с выходами к рынку и остановке. По лестнице поднимались прохожие.

Я заглушил мотор, схватил рюкзак и выскочил из машины. За спиной хлопнула дверца.

— Артём! — крикнул мужчина. — Стой, по-хорошему поговорим!

— По-хорошему не караулят у работы!

Я перескочил через низкий бордюр. Раненые пальцы плохо держали лямку, зато ноги ещё слушались. Внизу перехода играла музыка из киоска, пахло сладкой выпечкой и влажной штукатуркой. Мимо меня поднимались две школьницы. Одна рассмеялась, глядя в телефон. Я свернул к знакомой лестнице на противоположной стороне и побежал.

Ступени привели к щиту с рекламой стирального порошка. С плаката улыбался мужчина с коробкой в руках. Слева поднималась лестница на улицу; я поспешил по ней, рассчитывая выйти к торговым рядам.

За поворотом меня встретил тот же рекламный щит.

Я остановился. Сверху доносился гул машин. Под ногами лежала та же потрескавшаяся плитка, у стены стояла та же урна с помятым стаканчиком. Мужчина с плаката улыбался всё так же нагло.

— Не смешно.

Я оглянулся. За спиной тянулся короткий коридор и вниз уходили ступени. Может, в спешке перепутал лестницы. Под землёй я бывал сотню раз, но сегодня ориентировался паршиво. Я спустился по коридору, повернул направо и поднялся по лестнице с другой стороны.

Стиральный порошок встретил меня во второй раз.

Плакат начинал действовать на нервы. Я подошёл к урне, вытащил из неё помятый бумажный стаканчик и поставил его вверх дном на крышку. Затем поднялся по лестнице, не выпуская из виду поручень.

Два пролёта. Поворот. Свет от улицы. Щит. Урна. Стаканчик стоит вверх дном.

Я сел на нижнюю ступень. Под рёбрами кольнуло, напомнив о вчерашнем ударе Прохора. Чёрный камень не шевельнулся: лестница не пыталась пробить мне грудь заклинанием, она просто не выпускала. Положиться придётся на ноги и голову, которые до сих пор подводили с завидным постоянством.

В дальнем конце коридора показался мужчина с авоськой. В авоське лежали батон и свёрток. На мужчине было старое коричневое пальто, хотя под землёй стояла духота. Он двигался медленно, осторожно переставляя ноги. Я поднялся.

— Простите, — сказал я. — Тут выход где?

Мужчина остановился. На усталом лице темнела ссадина у виска. Сквозь пальцы просвечивала ручка авоськи.

Призрак.

— Наверх, — ответил он. — Дочка на остановке ждёт. Я каждый раз почти успеваю.

Сказал он это с такой обыкновенной тревогой, что я не сразу понял, в чём дело. Призрак посмотрел на лестницу. На ступенях проступил мокрый блеск, словно здесь только что прошёл ливень.

— Сейчас успеем, — пробормотал он.

Я отступил к стене. Мужчина пошёл наверх. Его каблуки не издавали звука. За поворотом мелькнула старая автобусная остановка с ржавой крышей. Я моргнул — и снова увидел надоевшую рекламу.

Похоже, он погиб где-то здесь и до сих пор торопился к дочке. При жизни я не любил опаздывать, но этот бедолага опаздывал уже слишком давно.

Сверху послышались шаги.

— Эй, копатель! — прогремел знакомый голос. — Хватит бегать!

Широкоплечий спускался по лестнице. Его напарник маячил дальше, у входа. Я невольно дёрнулся к противоположному пролёту, но вовремя остановился. Каждый раз, когда я спешил наверх, лестница возвращала меня к плакату. Призрак делал то же самое. Каждый мой рывок повторял его попытку добраться до остановки.

— Чего встал? — спросил широкоплечий, сбавляя шаг. — Отдай сумку, разойдёмся.

— Она мне дорогая. В обычном магазине такие не продают.

Он заметил чёрный перстень и усмехнулся.

— Сам снимешь или помочь?

— Вы сначала попробуйте выбраться отсюда.

Мужчина покосился на лестницу. Не понял, о чём я, но хмыкнул и полез за мной. Я отступал вдоль стены, заставляя себя идти спокойно. Призрак с авоськой прошёл между нами. Широкоплечий вздрогнул от холода и махнул рукой в пустоту.

— Что за холодина?

Он взбежал по лестнице. Через несколько мгновений я услышал его голос позади себя:

— Ты что, кругами ходишь?

Широкоплечий стоял возле того же рекламного щита. Он оглянулся на меня, потом на лестницу, и сделал шаг назад. Лицо его медленно вытянулось. Теперь мы оба хотели выбраться отсюда. Правда, по весьма разным причинам.

Он бросился наверх. Вернулся к щиту. Выругался. Ещё раз поднялся по тем же ступеням и опять оказался возле урны. Я подумал было использовать его растерянность и проскочить следом, но быстро отказался. Он снова бросался к выходу, повторяя путь призрака. Гул машин словно отдалялся, а щит становился всё ярче.

Я прислонился к стене. Возле плаката имелась узкая блестящая полоса — стеклянная вставка в раме. В ней отражались ступени. В стекле было видно пять ступеней, поручень и узкий боковой проход. Я посмотрел прямо на лестницу: до площадки насчитывалось семь ступеней, поручень уходил вправо, а никакого прохода не было.

В отражении мужчина с авоськой дошёл до бокового прохода, но опять повернул к несуществующей остановке. Я провёл левой ладонью по стене там, где в стекле начинался поручень. Пальцы упёрлись в холодную металлическую накладку; глазу всё ещё виделась сплошная плитка.

Поворот, к которому нас тянуло, принадлежал чужой памяти. Рядом оставался проход, который призрак всякий раз миновал. Я мог нащупать его рукой, даже если глаза упорно показывали стену.

Я шагнул боком, стараясь не смотреть на лестницу. Воздух будто загустел, меня потянуло назад к привычным ступеням. Перстень молчал. Пришлось упереться плечом в стену и искать опору ногой.

— Чего ты делаешь? — рявкнул широкоплечий.

— Осматриваю местные достопримечательности.

Я нащупал левой ладонью металлическую накладку и повёл по ней пальцами. Один шаг. Второй. Плакат по-прежнему маячил перед глазами. Я смотрел в стекло, удерживая отражение поручня, пока не почувствовал за спиной пустое пространство. Повернулся к лестнице спиной и шагнул туда, где должна была быть боковая площадка.

Под ботинком оказалась твёрдая плитка. В ушах щёлкнуло. Плакат потускнел, и передо мной открылся боковой коридор, за которым виднелся навес торговых рядов.

— Ну надо же, — выдохнул я. — Бывает полезно идти не туда.

Широкоплечий кинулся ко мне. Тяжёлая рука схватила лямку рюкзака и потянула назад. Повреждённую руку дёрнуло так, что я вскрикнул, но левой успел ухватиться за поручень. Мужчина потянул сильнее. Шов затрещал. Рюкзак сполз с плеча, и холод Печати ударил мне в бок.

— Сумку сюда!

— Возьми свою! — огрызнулся я.

Я толкнул его локтем в грудь. Толку получилось немного. Он был намного тяжелее меня и драться умел. Он занёс свободную руку. Я пригнулся, удар пришёлся в поручень. Металл загудел. В стеклянной полосе призрак с авоськой резко поднял голову и зажал уши.

— Не успею, — сказал он. — Опять не успею.

Ступени под широкоплечим будто поплыли. Он отпустил лямку, выругался и шарахнулся к щиту. Я выскользнул из его пальцев, но впереди появился второй мужчина. Он спускался сверху и держал в руке короткую железную монтировку.

— Отдавай, — потребовал он. — Хозяин за вещь заплатил.

— Вашему хозяину надо самому сходить на кладбище. Там ассортимент шире.

Мужчина двинулся ко мне. Между нами оставалось несколько шагов. Справа призрак спешил к своей несуществующей остановке; слева широкоплечий снова выскакивал к тому же плакату. Я прижал рюкзак к груди и упёрся плечом в стену. Удар монтировкой по больной руке сделал бы разговор коротким.

Со стороны настоящего выхода послышался женский голос:

— Эй! За поручень держись!

Из бокового коридора вышла женщина в тёмной куртке, с волосами, собранными в хвост. На вид — чуть за тридцать. В одной руке она сжимала тканевый мешочек, другой удерживала красную нить. Та тянулась к железной стойке у выхода, не провисая, будто её натянули невидимые пальцы.

Мужчина с монтировкой обернулся.

— А тебе чего надо?

— С дороги уйди.

Он шагнул к ней, занося монтировку. Женщина резко отвела пальцы. Красная нить обвила его запястье и рванула к стойке; монтировка звякнула о плитку. Свободной рукой женщина швырнула на пол серую щепоть из мешочка. По коридору прошла волна холодного воздуха. Рекламный щит на миг погас, и призрак застыл на середине лестницы.

Женщина зажала нос рукавом. Между пальцами сразу проступила кровь.

— Быстрее! — крикнула она мне. — Морок сейчас вернётся!

Я рванул к ней. Широкоплечий вывалился из морока следом и едва не схватил меня за капюшон. Я пнул урну у стены. Она прокатилась по плитке и ударила его под колено. Он споткнулся, ухватился за поручень и снова оказался лицом к улыбающемуся мужчине со стиральным порошком. Лестница снова потянула его к знакомому повороту.

Женщина вцепилась мне в левое плечо и потащила наружу. Обернувшись, я увидел призрака с авоськой. Он стоял перед потускневшим щитом и тихо разговаривал с пустотой. Наверное, снова видел дочь. Хотелось верить, что хотя бы на минуту он перестал бежать.

Мы выскочили под навес рынка. Запищал пешеходный светофор, торговка укладывала в ящик яблоки, возле остановки кто-то ругался из-за сдачи. Я едва не рассмеялся от радости при виде обычной очереди на остановке. Согнулся, переводя дыхание. Женщина отпустила моё плечо и вытерла кровь рукавом.

— За вами двое, — сказала она. — Третий ждёт у машины.

— А вы кто?

— Марина.

— Артём. Спасибо, что открыли выход. Я уже начал подозревать, что мне здесь придётся ночевать.

Она коротко усмехнулась.

— Увидела, как люди возвращаются к одному и тому же выходу. Поняла, что призрак опять закольцевал лестницу. А потом заметила, что за тобой гонятся.

— Вы тоже их видите?

— Вижу. Призрак и раньше путал дорогу. Но с этой вещью у тебя в рюкзаке его петля стала сильнее.

Я невольно коснулся рюкзака. Бронза через ткань отозвалась неприятной тяжестью. Вдали появился широкоплечий. Он выбрался из перехода, трогая разбитую губу и оглядывая прохожих. За ним плёлся напарник, растирая запястье. Красная нить уже исчезла. Женщина заметно побледнела и держалась ровно из упрямства.

— Идём, — сказала она. — Тут слишком людно для второй попытки.

— Я как раз рассчитывал на свидетелей.

— Они увидят драку за рюкзак и полезут в стороны. А эти двое от тебя не отстанут. Пошли.

Я мог бы спорить, но на это не осталось ни сил, ни желания. Мы прошли между палатками с фруктами, свернули к старому книжному павильону и вышли в узкий двор. Марина шла быстро, но на повороте опёрлась о стену и перевела дыхание. Я притормозил.

— Вы в порядке?

— Дойду. Нить удержала одного из них, а вот морок пришлось срывать отдельно. На это я не рассчитывала.

— Значит, ведьма?

— Тебе нужен диплом с печатью?

— После сегодняшнего я уже осторожно отношусь к печатям.

Она посмотрела на рюкзак. Я вынул бронзовую пластину ровно настолько, чтобы показать знак. Марина перестала улыбаться. На бронзе на мгновение проступил красноватый отблеск от её пальцев. Я ощутил знакомый холод, но перстень оставался тусклым. — Где взял? — спросила она.

— В Жилино. Тайник старого копателя. С тех пор за мной ходят мертвецы и люди с дурными манерами.

— Какого копателя?

— Коргин. Сергей Коргин. Знакомо имя?

Марина медленно кивнула. Я не стал расспрашивать, что именно она знает. Она явно знала больше, чем сказала. После перехода у меня осталось ровно столько сил, чтобы не задавать все вопросы разом.

— Это знак старой погребальной границы, — сказала Марина. — Две арки видишь? Рубеж держали двое хозяев. Убрал Печать — и проходы могли открыться сразу в нескольких местах.

— Аксинья в Жилино сказала, что одной ей уже не справиться.

— Значит, сказала правду. Для разнообразия.

— Я как раз собирался отвезти вещь Аксинье.

— Так ты только усугубишь беду. Нужно найти место первого рубежа и понять, чего хотят оба хозяина. Одной лопатой тут не обойдёшься.

Мы стояли во дворе между продуктовым магазином и закрытой химчисткой. За стеной хлопнула дверь магазина, мимо прошёл мужчина с пакетом молока. На пальце у меня сидел чёрный перстень, в рюкзаке тяжело лежала бронза, а рядом стояла женщина с кровью на рукаве. Я вспомнил сырую землю под корнями в Жилино. Тогда мне казалось, что самое трудное уже позади.

— И что мне теперь делать? — спросил я.

Марина посмотрела на мою руку, затем на Печать.

— Сначала спрячь Печать. Здесь окна со всех сторон. Потом пойдём в кафе у рынка: расскажешь, где её нашёл. Только без долгих вступлений, у меня голова гудит.

— Вы часто знакомитесь с мужчинами во время драки?

— Только с теми, кого удалось вытащить живыми.

Я завернул Печать плотнее и поправил рюкзак. Марина направилась к рынку, изредка промокая нос рукавом. Впервые после Жилина рядом шёл человек, который видел ту же нечисть, что и я, и не считал меня сумасшедшим. Я поспешил следом за Мариной: в витринах магазинов отражались прохожие, а среди них мог прятаться тот самый человек в сером пальто.

Глава 4. Клад нужен всем

В кафе у рынка пахло жареным луком, свежей выпечкой и мокрыми куртками. После подземного перехода все три запаха казались вполне дружелюбными. Марина выбрала столик возле глухой стены, подальше от большого окна. Я сел напротив, поставил рюкзак между ботинками и проверил, закрыта ли молния. Бронзовая Печать лежала внутри, завёрнутая в полотенце. Я то и дело задевал рюкзак ботинком. Тяжесть под столом напоминала, из-за чего нас едва не прикончили.

— Кофе? — спросил я.

— Чай. Крепкий. И что-нибудь сладкое.

— Сладкое помогает после таких прогулок по лестницам?

— После знакомства с лестницей, которая не выпускает людей, я готова съесть и твою порцию. Особенно за твой счёт.

Я расплатился за чай, кофе и два куска пирога — семьсот восемьдесят рублей. Официант принёс сдачу. Когда я попробовал взять чашку повреждённой рукой, блюдце звякнуло о стол. Пришлось перехватить его левой ладонью.

Марина придвинула ко мне салфетницу, чтобы чашка не скользила.

— Перстень срабатывал?

— В Жилино Прохор ударил могильным холодом. Перстень отозвался, а я на какое-то время перестал понимать, жив ли ещё. Потом сумел подняться.

— Не пытайся повторить это нарочно. Первый раз ты едва выжил.

— Значит, эксперимент с грозой откладывается. А я ведь уже настроился.

Она даже не улыбнулась. Она отхлебнула чай и на мгновение закрыла глаза. После схватки в переходе ей тоже приходилось собирать силы по крупицам. Я больше не приставал с расспросами, пока она не доела пирог.

— Рассказывай с самого начала, — попросила Марина.

Я рассказал о саде за Жилино, железном ящике под корнями и Прохоре. Аксинью описывал медленнее: трудно было объяснить, как старуха в чёрном платке закрыла калитку тенями и заставила меня увидеть последний поступок чужого покойника. Марина слушала молча. Когда я упомянул бронзовую Печать, она отложила вилку и подвинула к себе мой рюкзак, словно хотела убедиться, что молния застёгнута.

— А деньги? — спросила она.

— В ящике оставил старые деньги и вещи покойника. Забрал Печать, а перстень так и не смог снять. Эдик, приятель Коргина, говорил, что тот прятал собственные ценности отдельно. Если эти тайники вообще существуют, может, поездка хотя бы окупится.

— Хорошо, что не понёс всё подряд. Некоторые вещи в том ящике могли быть привязаны к чужим покойникам.

— Вы его знали?

— Слышала о нём. Он несколько лет пытался примирить хозяев старых кладбищ. Похоже, не добился своего. Однажды я видела его с бронзой похожей работы, и после той встречи мне неделю снились чужие могилы.

— Почему?

— Человек может принести вещь с погоста, даже не понимая, кому она принадлежит. А хозяева мест потом приходят за своим. Не все умеют разговаривать, как Прохор.

За соседним столиком двое парней спорили, какая доставка быстрее. У стойки женщина просила разогреть суп ребёнку. Мне захотелось пересесть к парням, обсудить сроки доставки и до конца жизни не слышать слова «погост».

— Печать стояла на старой погребальной границе, — продолжила Марина вполголоса. — Там, где сейчас дворы и скверы, раньше тоже хоронили людей. Два хозяина кладбищ когда-то договорились, где начинается власть каждого. Бронза закрепляла их слово. Теперь её вынули, и прежние дорожки могут снова открыться.

— А Коргин решил забрать знак себе.

— Я не знаю, как он оказался в Жилино. Но Аксинья одна рубеж не удержит. Нужно найти второе место, где оба хозяина дали слово, и убедить их договориться снова.

— Прекрасно. Первую хозяйку я уже встретил. Теперь осталось разыскать второго и убедить его, что я не собирался ничего красть. С лопатой в руках это будет особенно убедительно.

Марина отложила вилку. В тарелке остались только крошки.

— Есть старое городское кладбище. Его хозяина зовут Савватий. После сегодняшнего перехода туда лезть нельзя. Сначала посмотрим, что уже открылось в самом городе.

Я хотел спросить, откуда Марина знает Савватия, но телефон завибрировал на столе. Звонил Эдик — тот самый приятель Коргина, который продал мне кожаный кошель и рассказал про старую яблоню. Говорил шёпотом, а на заднем плане кто-то гремел рыночными ящиками. «Артём, тут твои знакомые спрашивают про Жилино. Поговорить надо. Я у рыбного павильона», — выпалил он и отключился.

Я посмотрел на погасший экран. Днём за мной уже гонялась белая «Газель». Теперь люди Рогова добрались и до человека, с которого началась моя охота за кладом.

— Кто звонил? — спросила Марина.

— Эдик. Когда мне продавал кошель Коргина, клялся, что больше никто не знает про яблоню. Теперь зовёт к рыбному ряду. Видимо, у него появился новый покупатель.

Марина поднялась из-за стола. Я попытался возразить, но она уже надела куртку и забрала оставшийся кусок пирога.

— Сядь, — попросил я. — Тебе и чашку тяжело держать.

— Чашку — могу. А вот колдовать ещё раз сегодня не обещаю. Поговорить с продавцом мы в состоянии.

— С людьми Костолома он, похоже, тоже поговорил. За отдельную плату.

— Значит, узнаем, во сколько он оценил твою голову.

Я закинул рюкзак на здоровое плечо. Под полотенцем едва слышно звякнула бронза. В зале всё ещё спорили о доставке еды, а у меня впереди были переговоры с человеком, для которого любой секрет начинался с торга.

На выходе я увидел в витрине собственное отражение. Позади шёл обычный вечерний рынок, полный спешащих покупателей. После лестницы я дважды оглянулся, прежде чем поверить, что никто не шагает из стекла прямо за мной.

— Ты идёшь? — спросила Марина.

— Иду. Просто проверяю, не продаёт ли Эдик меня уже с доставкой.

— Куда? Ты же едва стоишь.

— Я прекрасно стою. Просто сегодня предпочитаю, чтобы лестницы стояли на месте.

От кафе мы вышли к торговым рядам через боковую дверь. Вечерний рынок закрывался неторопливо. Торговцы натягивали тенты, грузчики катили ящики, из открытого фургона тянуло рыбой и льдом. Возле рыбного павильона Эдик держал бумажный стаканчик с остывшим кофе. Небольшой, в кожаной кепке и слишком чистых ботинках, он всегда выглядел человеком, способным продать кому-нибудь собственную тень, если найдётся покупатель.

— Вот он, — буркнул я.

Эдик заметил Марину и сразу выпрямился.

— Здравствуйте. Я вот Артёма предупредить хотел. Сам позвонил, заметьте.

— Сколько взял за то, что показал дорогу к яблоне? — спросил я.

— Не твоё дело.

— Значит, ещё и за мои пять тысяч решил вторую плату получить?

Эдик поморщился. Из переулка вышел широкоплечий мужчина с пластиковым пакетом. Незнакомец прошёл мимо, ни на кого не взглянув, но Эдик разом побледнел. Теперь он шарахался от всякого, кто мог оказаться человеком Костолома.

— Восемь тысяч, — выдавил он. — Повёз одного человека к старому саду. Показал ограду и яблоню. На обратном пути он ещё расспрашивал, где Коргин любил оставлять вещи. Откуда мне было знать, что вы там выкопали?

— Кто заплатил?

— Рогов. Слышал про Костолома? Так вот, он. Его люди уже у дачников спрашивали про машины возле Жилино. А мне объяснил, будто вы с ним давно делите какую-то находку. Я в чужие дела не лезу.

— Зато зарабатываешь на них отлично.

Эдик сунул стаканчик в урну, даже не проверив, долетел ли тот до дна.

— Ты лучше сам с ним договорись. Он меня тоже теперь дёргает. Хочет знать, куда Коргин мог спрятать собственные ценности.

— Значит, о другом тайнике Рогов тоже слышал?

— У меня спрашивал. Я ему сказал то же, что тебе: Коргин любил старые места, куда живые редко заглядывают. Больше ничего не знаю.

Марина отодвинула меня от прилавка и негромко сказала:

— Если Рогов отправил людей за старой бронзой, он не успокоится после одной пустой ямы. За такой настойчивостью обычно стоят чужие деньги.

— Ну, за моё здоровье можете не переживать, — буркнул Эдик. — Я больше ничего никому не продам.

— До завтра? — уточнил я.

Эдик сделал вид, что не слышит. Мы отошли, пока он не придумал плату за продолжение разговора. Противный холод выступил на затылке. Люди с «Газели» знали моё имя, машину и мастерскую. Теперь они знали и сад, и место моей стоянки. Стоит им вернуться — найдут разрытую землю и поймут, кто увёз самое важное.

— Рогов действительно Костолом? — спросил я.

— Скупщик чужих находок. Любит действовать через людей покрупнее. За что получил прозвище, можешь догадаться.

— Воздержусь. У меня и без него пальцы плохо разгибаются.

Марина взглянула на торговые ряды. Тот мужчина с пакетом остановился у закрытого киоска и явно ждал кого-то. После сегодняшней погони я в каждом прохожем видел нового охотника за Печатью. Марина заметила, куда я смотрю.

— Его оставь в покое. Сейчас важнее другое.

— Если ты предложишь ещё одно кладбище, я попрошу у мертвецов отпуск.

— Здесь недалеко старый двор. Там с обеда хлопают ворота, а из старой арки доносится стук, будто кто-то ломится с другой стороны. Женщина из этого двора попросила меня посмотреть: вчера едва не пострадал ребёнок на велосипеде. От рынка идти всего несколько кварталов.

— А может, соседи ремонт затеяли?

— Проверим. Если окажется ремонт, угощаю тебя пирогом.

Мы пошли пешком. От рынка до двора было всего несколько кварталов. Витрины сменились тесными пятиэтажками с пристроенными магазинами. Люди торопились домой с пакетами, курьер ругался с навигатором, на спортивной площадке мальчишки гоняли мяч. Я старался не вертеть головой. У киоска с цветами призрак пожилого мужчины стоял с пустой ладонью, словно ждал сдачи за букет. Я обошёл его с другой стороны, стараясь не встретиться взглядом.

Марина замедлила шаг возле кирпичной арки. Краска на кирпичах над ней местами облупилась. По обе стороны арки располагались магазинчик хозяйственных товаров и мастерская по ремонту обуви. Внутри открывался двор с рябиной, перекошенной лавкой и детскими качелями. Во дворе стояло несколько машин. Молодая женщина в яркой шапке вытряхивала коврик, сердито хлопая им о перила.

— Опять это началось? — спросила Марина, подойдя к ней.

Женщина оглянулась на меня, на рюкзак, затем кивнула.

— После обеда опять стучало. Сначала за аркой, потом будто под землёй. Дворник всё на трубы валит. А вчера ворота сами захлопнулись, мальчишка на велосипеде едва успел затормозить.

— Можно посмотреть?

— Смотрите. Только лавку не трогайте. Она и так еле держится. Жильцы обещают починить второй месяц.

Я осмотрел двор. Лавка действительно выглядела несчастной: одна планка болталась, ножка ушла в землю, рядом валялся ржавый крепёж. В другой день я бы попросил у жильцов отвёртку и подтянул крепёж. Сегодня рука мешала даже удерживать рюкзак, так что починить чужую лавку с ходу не получилось бы.

В арке тянуло влажным камнем. Стены были покрыты слоями старой краски, а снизу виднелись кирпичи другого цвета. Под ногами лежала потрескавшаяся плитка. Чем ближе я подходил к арке, тем холоднее становился воздух возле рюкзака. Марина ничего не говорила; присела у края арки и приложила пальцы к сухой щели между плитами.

— Чувствуешь? — спросила она.

— Пол от меня не в восторге.

— Печать отзывается. Тут есть старый рубеж.

Из-за припаркованной машины раздалось сердитое покашливание. На первый взгляд там никого не было. Потом у колеса показалась широкая лохматая голова, следом вылез короткий мужчина в серой безрукавке. Его борода была усеяна сухими листьями. На ногах у него болтались разномастные домашние тапки. Мужчина вытащил из-под машины металлическую цепь и с подозрением посмотрел на меня.

— Кто у нас тут по двору шастает?

Женщина с ковриком прошла мимо, не повернув головы. Я едва не спросил её, знакома ли она с жильцом из-под машины, но вовремя прикусил язык.

— Мы не шастаем, — ответила Марина. — Проверяем, что под аркой открылось.

— Ничего хорошего. И ты, ведьма, не указывай мне в моём дворе.

— Не собираюсь.

Существо повернулось ко мне.

— А этот чужой зачем могильное железо сюда приволок? С кольцом на пальце, с бронзой за спиной. Из-за него мне ворота с цепи сорвать пытаются.

— Здравствуйте, — сказал я. — Если знакомство ещё не испорчено.

— Уже испорчено. Ты на лавку посмотри.

— Смотрю. Обещаю не садиться.

— Смешной нашёлся.

Мужчина дёрнул цепь. Дальние ворота во двор глухо стукнули, хотя ветер почти стих. Я вспомнил Семёна: тот признавал только старую мастерскую. Этот, похоже, заведовал двором. Когда он дёрнул цепь, я почувствовал, что ворота снова готовы захлопнуться.

— Дворовой, — негромко пояснила Марина. — Здесь он хозяин.

— Я и сам слышу! — буркнул тот. — Когда ваши мёртвые перестанут через арку ходить?

Слова ещё висели в воздухе, когда из кирпичной кладки донёсся тяжёлый удар. Женщина с ковриком вздрогнула и поспешила в подъезд. В арке зашевелилась тень. Я подумал, что это свет фар с улицы, но за спиной не проехало ни одной машины.

Марина схватила меня за здоровое плечо.

— Рюкзак не открывай.

— Я и не собирался.

Из щели между плитами выступила полоска серой пыли. Она тянулась вдоль стены, обводя старую кладку, и на секунду стала похожа на контур ворот. За ней проступил другой двор: глухая земля, кривые камни, чёрные ветви без листьев. Видение дрожало, расползалось и снова собиралось между кирпичей. В нашем настоящем дворе продолжали качаться пустые качели. Из окна кто-то включил музыку.

Я стоял слишком близко к арке. Перстень оставался холодным и тусклым. Марина коротко велела отойти. Я сжал ремень рюкзака левой ладонью, попятился и задел пяткой пустое ведро у стены.

Из серой полосы вышел мужчина в длинном тёмном пальто. Грязь покрывала полы до колен. На обрывке шнурка у него висел толстый ржавый ключ. Лицо было широким, почти добродушным; только один глаз смотрел мимо меня, будто искал кого-то по ту сторону арки.

— Где ворота? — спросил мужчина.

Я оглянулся на настоящие железные створки.

— Вот они, — ответил прежде, чем успел вспомнить совет Семёна.

Призрак повернулся ко мне. Ключ на шнурке просвечивал насквозь.

— Не те. Мои были деревянные. Мне велели запереть. Я запер. А теперь не нахожу.

Дворовой взвыл так, будто ему наступили на любимую метлу.

— Не мой! — крикнул он. — Чужой мертвяк! Убирайся обратно!

Дворовой дёрнул цепь. Ворота захлопнулись с таким грохотом, что на третьем этаже распахнулось окно.

— Кто там балуется?! — крикнула женщина сверху.

— Сквозняк! — ответил я.

Вопросов после такого ответа наверняка прибавилось, но проверять я не стал. Призрак уже двигался к воротам. Он прошёл сквозь припаркованный автомобиль; водитель, сидевший внутри, даже головы не поднял. Призрак брёл к настоящим воротам и всё время оглядывался на арку. А за его спиной серый проход расширялся, впуская в жилой двор запах сырой кладбищенской земли.

— Откуда он? — спросил я Марину.

— Не знаю. Печать вынута из границы, и чужие места теперь могут соединяться. Не подходи к нему близко.

— При жизни, видимо, очень любил ворота.

Призрак остановился перед цепью дворового. Их взгляды встретились. Дворовой поднял с земли сухую пыль, закрутил её низко над плиткой. Мне пришлось прикрыть лицо. Из подъезда выскочил парень с телефоном, выругался из-за пыли и тут же спрятался обратно.

— Я запирал, — повторил призрак. — Мне приказали.

— Здесь тебе никто не приказывал! — прорычал дворовой.

Он ударил цепью о землю. Железные ворота задрожали. Призрак не испугался и сделал ещё шаг. Серый контур у арки расширился ровно настолько, чтобы за ним показалась узкая дорожка между старых могил. Теперь в проёме можно было различить чужую ограду, стоящую по ту сторону кирпича.

Я потянул Марину за рукав.

— Там настоящая дорога?

— Короткий переход между местами захоронений. Не заходи. Мы не знаем, где окажешься и закроется ли он за тобой.

— Прекрасно. Я уже один раз погулял по лестнице, спасибо.

Сзади послышались колёса. Курьер на электровелосипеде въезжал во двор, уставившись в экран телефона. Ворота стояли наполовину закрытыми, и он направился прямо к арке. Я махнул здоровой рукой.

— Стой! Ворота закрываются!

— Мне в шестой подъезд! — бросил курьер, не поднимая глаз.

Дворовой зашипел, дёргая цепь. Металлическая створка поползла поперёк пути. Курьер затормозил и едва не врезался в неё. Он зло выругался и покатил велосипед обратно к улице. Он не увидел ни призрака, ни старой дорожки. Зато нас с Мариной запомнил наверняка.

Призрак всё ещё искал деревянные ворота. Он упрямо смотрел на дальнюю сторону двора. Там раньше могли стоять другие ворота. Я вспомнил призрака на лестнице, который снова и снова шёл по знакомому пути. Этого сторожа тянуло к воротам, но вокруг уже стояли совсем другие стены. Он не понимал, что забрёл в чужой двор.

— Слушай! — позвал я. — Твоя дверь там, за камнями. Видишь дорожку? Я её вижу.

Марина резко обернулась.

— Не обещай ему ничего.

— Я и не обещаю. Только показываю.

Призрак повернул голову к арке. Ржавый ключ качнулся у него на шнурке. Он сделал шаг обратно, но остановился, будто наткнулся на невидимый вопрос.

— А кто смену принял? — спросил он.

Я понятия не имел, кто стоял здесь до него. Врать мертвецу, который забыл собственные ворота, было страшнее, чем разговаривать с ним. Дворовой наблюдал за нами с совершенно несчастным лицом, как хозяин квартиры, в которую пришли незваные гости с мебелью.

— Здесь другой хозяин, — сказал я, кивнув на него. — Он свои ворота охраняет. Твои ждут тебя там.

Дворовой гордо выпрямился. Призрак оглядел железную цепь, окна и качели, словно лишь теперь сообразил, что попал в чужой двор. Он медленно развернулся и пошёл к серой полосе.

Марина высыпала на ладонь щепотку тёмной золы из мешочка. Провела пальцами низко над плиткой. Между нами и аркой поднялась тонкая пыльная завеса. Она не закрыла разрыв, только отгородила нас от его края. Её плечи дрогнули от напряжения. Она прислонилась к стене и выругалась шёпотом.

— Всё, — сказала она. — На сегодня хватит.

Призрак дошёл до камней по ту сторону и остановился перед невидимой калиткой. Его фигура начала теряться в сером воздухе. Узкая дорожка не исчезла. Через открытый проём всё ещё тянуло холодом и сырой землёй. Мы отправили сторожа обратно. А открытый ход остался — узкий, холодный, вполне достаточный для следующего мертвеца.

Дворовой сжал цепь в обеих руках.

— Кто вынул железку из её места? — спросил он.

— Я, — ответил я.

— Тогда ты и разберёшься. Сегодня не трону: гость ушёл. Но если завтра ещё один явится, я тебя отсюда за уши вытряхну.

— Понял.

— И лавку починишь.

Я посмотрел на кривую деревяшку у рябины.

— А лавка-то при чём?

— При том, что она моя. Её сломали живые. Пока не исправишь, проходить через двор без спроса не станешь.

На этот раз я спорить не стал. Дворовой сказал это таким тоном, каким Борисыч требовал вернуть инструмент на место. Я посмотрел на болтающуюся планку и кивнул. Заодно будет чем занять руки после смены — если они у меня к тому времени останутся.

Мы вышли из арки на освещённую улицу. За спиной глухо звякнула цепь. В витрине обувной мастерской отражался обычный двор: машины, качели, мусорные баки. А сквозь кирпич арки всё ещё тянулась серая полоска, словно за стеной тлела незримая трещина.

— Это далеко от Жилино? — спросил я.

— Достаточно. Разрыв успел дойти до города. И теперь он цепляется за места, которые давно перестали считать кладбищами.

Я потрогал рюкзак. Печать лежала на месте, холодная и тяжёлая. Её нельзя было ни продать, ни вернуть первой встречной хозяйке погоста. Рогов уже нашёл дорогу к саду, а теперь искал ценности Коргина, которых я сам ещё в глаза не видел. Завтра сначала придётся явиться к Борисычу на смену, а вечером вернуться сюда с инструментом. Открытый проход подождать не обещал.

— У меня завтра смена с восьми, — сказал я Марине.

— Вечером зайдём сюда снова. Дворовой хотя бы не отказывается разговаривать.

— А до этого?

— Утром мне нужно восстановить силы, а тебе — отработать смену. После твоего бегства по лестнице хватит с тебя геройства на сегодня.

Я кивнул. На противоположной стороне улицы зажглись фонари. Люди шли из магазина с хлебом, торопились к автобусу, спорили о ценах на бензин. Город выглядел привычным. Теперь-то я знал: из такой арки может выйти мертвец с ржавым ключом, который уже сто лет пытается запереть чужие ворота.

За этим проходом уже охотились живые. Они знали моё лицо, машину и место работы. А Печать всё ещё лежала у меня в рюкзаке.

Глава 5. Двор против чужаков

На следующее утро меня разбудил стук за стеной. Похоже, соседи двигали мебель: три тяжёлых удара, пауза и ещё один, особенно сердитый. Раньше я бы постучал в ответ. Теперь лежал и прислушивался, не позовёт ли кто-нибудь из-за бетона по имени. После знакомства с призраками в обычных звуках стало слишком легко услышать угрозу.

Я сел на край кровати. Из подъезда донёсся детский смех, за окном прогудел автобус. Ни один звук не обещал нападения. Это обнадёживало ровно пока я не вспомнил о бронзовом круге в рюкзаке у стола.

На завтрак хватило двух кусков хлеба с сыром. Запив их водой, я попробовал согнуть пальцы правой руки. Синяк тянулся от запястья к локтю. Согнуть их удалось; сжать кулак — нет. Прохор оставил мне память о знакомстве, которую не сотрёшь даже хорошим обезболивающим.

Печать лежала в рюкзаке под полотенцем. Я вынул бронзовый круг. По двум вырезанным на нём аркам тянулась слабая серая полоса. Вчера она не доходила до края. Сегодня доползла. Убедительное доказательство, что неприятности умеют расти без полива.

Я спрятал Печать обратно. Вчера носил рюкзак с собой по всему городу и едва не потерял его во время бегства из двора. Оставлять бронзу в съёмной квартире после того, как чужие мертвецы научились находить дорогу между домами, было ещё хуже. Пришлось снова тащить её на работу.

Я завернул Печать и застегнул рюкзак. У двери машинально потрогал карман с ключами, убедился, что телефон при мне, и оглянулся на пустую кухню. Замок, конечно, не удержал бы призрака, если бы тот сумел пройти сюда. Плохая привычка. Зато за проверку дверного замка денег не брали.

До мастерской я добрался за четверть часа. Борисыч стоял у ворот с бумажным стаканом кофе. Вид у него был такой, будто утренние неприятности явились раньше первых клиентов. Он посмотрел на мою руку, потом на часы.

— Восемь ноль две. Чем сегодня будешь оправдываться?

— За мной гонятся мертвецы. Поэтому немного задержался.

— Тогда пусть заплатят за простой. Заезжай, у нас очередь.

Он счёл это шуткой, чем заметно улучшил мне настроение. Первую половину дня я занимался машинами. Никто из клиентов не жаловался на упырей под капотом, а в выхлопную трубу не заглядывал ни один призрак. После двух дней, за которые я узнал слишком много, такая скука выглядела подарком.

Правда, пришлось попросить напарника помочь снять тяжёлый узел. Борисыч заметил и отвёл меня к верстаку.

— Рука совсем плохая?

— К вечеру будет лучше.

— Ты так вчера говорил. Пока работаешь, мне нужны руки, а не обещания. Завтра посмотрим, что тебе можно поручить.

Я кивнул. Объяснить Борисычу, откуда взялись синяки, я не мог. Я и без того прикидывал, сколько пропущенных смен выдержит мой кошелёк.

Пока Борисыч относил клиенту ключи, из-за шкафа выглянул Семён. На бороде домового висела металлическая стружка.

— Вчера от тебя холодом тянуло, — буркнул он. — Мертвецов сюда не води. И Печать не приноси.

— Я стараюсь.

— Плохо стараешься.

Семён нырнул в подсобку, услышав шаги Борисыча. Начальник вошёл, остановился возле моего шкафчика и подёргал дверцу. Семён успел спрятаться, едва услышав его шаги.

К концу смены я сумел заработать только усталость. Борисыч перестал коситься на меня при каждом движении, и на том спасибо. Перед уходом я забрал из собственного ящика складной набор с отвёрткой и крепежом. Когда-то купил его для машины и забывал там месяцами. Сегодня он пригодился для лавки дворового. Обещание, данное существу с тяжёлой цепью, лучше не откладывать.

У арки я оказался без четверти семь. Рядом с обувной мастерской пахло резиной, из окна магазина хозяйственных товаров доносилась реклама скидок. Марина ждала под козырьком, держа в руке маленький бумажный пакет. На ней была тёмная куртка и зелёный шарф; на лице уже появился здоровый цвет.

— Пришёл, — сказала она.

— Даже с инструментами. Посмотри, как меня воспитали.

— Хорошо. Дворовой с утра ругается. Знакомая живёт здесь. Говорит, днём ворота сами захлопнулись перед мусоровозом.

— Главное, чтобы он не начал взимать плату за парковку.

Марина протянула пакет. Внутри лежали два пирожка.

— Ешь. У тебя вид человека, который ужинал вчера.

— Я завтракал сегодня.

— Это подтверждает диагноз.

Мы остановились перед аркой. В глубине снова виднелся серый контур чужого двора. В вечернем свете он проступал между кирпичами, будто за новой кладкой проступала старая. Камни просматривались отчётливо, а дорожка, по которой вчера ушёл призрак с ржавым ключом, теперь тонула в сером сумраке. Печать под полотенцем стала тяжелее. Я переставил рюкзак с плеча на плечо.

— Сначала попросим разрешения, — сказала Марина.

— Ты серьёзно? У ворот висит табличка «Проезд свободен».

— Она для живых.

Я постучал костяшками по железной створке. За мусорным контейнером тут же зашуршала цепь. Дворовой вышел, волоча её за собой, и оглядел нас из-под густых бровей. В его бороде застрял жёлтый фантик.

— Вернулись, значит.

— Лавку починить, — сообщил я.

— Ишь какой исполнительный. Вчера мертвяка привёл, сегодня с отвёрткой заявился.

— Вчера я его не приводил. Он сам прошёл.

— Через твою железку.

Спорить было трудно. Я показал набор, и дворовой хмыкнул.

— Проходи. Только к лавке и обратно. Чужой ход не трогай. Пока работа не сделана, с моего двора ничего не требуй.

— А если из арки опять кто-нибудь полезет?

— Тогда его и спрашивай.

Дворовой успел выставить условия раньше, чем я достал отвёртку. Борисыч оценил бы такого заказчика. Но разрешение прозвучало отчётливо, и я вошёл во двор. Марина прошла рядом, держась за карман, где лежал маленький мешочек с золой. Колдовать она не спешила.

На спортивной площадке трое школьников спорили из-за баскетбольного мяча. Под рябиной сидела женщина в яркой шапке, женщина, которая вчера вытряхивала коврик. Увидев мой набор, она оживилась.

— Наконец-то кто-то взялся! А то все обещают. Вы из управляющей компании?

— Частная инициатива. Меня попросил местный старожил.

Она посмотрела в ту сторону, где стоял дворовой, и ничего не увидела.

— Ну, спасибо старожилу. Только смотрите, доску у края лучше не трогать, она совсем сгнила.

Я присел перед лавкой. Крайняя планка болталась, другая упиралась в землю. Одной рукой планку удержать не получалось. Марина придержала край, пока я выкручивал испорченный крепёж. Новый болт встал без долгих уговоров. На этом месте хотелось бы услышать аплодисменты. Вместо них над ухом раздался голос дворового:

— Криво.

— Сам садился бы ровнее, — огрызнулся я.

— Край подвинь. Ты мне лавку чинишь, а не кривую лестницу строишь.

Я подвинул край. Планка легла ровно. Дворовой довольно засопел и забрался под лавку. Оттуда послышалось удовлетворённое сопение. Марина присела на край, осторожно надавила ладонью и кивнула.

— Держит.

Женщина в шапке принесла нам бутылку воды. Я сначала отказался: после всего случившегося подарки от незнакомых людей выглядели подозрительно. Потом вспомнил, что женщина только что видела меня с отвёрткой и вполне могла просто хотеть помочь. Вода была холодной и на вкус совершенно обычной. Иногда хочется благодарить жизнь хотя бы за такие мелочи.

— Вы тут осторожнее вечером, — сказала женщина. — Сегодня днём возле арки кто-то стоял. Куртка дорогая, машина ещё дороже. Долго на окна смотрел. Я ещё подумала, что квартиру присматривает.

Я переглянулся с Мариной. В городе хватало мужчин в дорогих куртках, но я невольно посмотрел на арку: после вчерашних разговоров с Эдиком неизвестный покупатель вполне мог оказаться человеком Рогова.

— Запомнили машину? — спросил я.

— Тёмная, большая. В машинах я не разбираюсь. А вы что, тоже квартиру ищете?

— Нет. Мы уже нашли слишком много, — ответил я.

— Сидеть разрешаю, — объявил дворовой откуда-то снизу. — И через двор ходить можно. Пока без наглости.

Я убрал отвёртку и оглянулся на исправленную лавку. За право пройти через двор расплатился честно. С дворовым, как выяснилось, разговаривать лучше после выполненного обещания.

— Теперь про проход, — сказал я. — Он расширяется. Ты же его видишь.

Дворовой вылез из-под лавки. На этот раз не ругался. Он подошёл к арке, остановился перед серой полосой и выплюнул прилипший к усам сухой лист.

— Помню, как здесь землю рыли. Когда дома строили, под будущей площадкой нашли старые камни и кости. Рабочие ругались, куда их девать. Потом всё закатали. Думали, засыпали память вместе с ямой.

Я оглянулся на площадку. Школьники уже ушли, оставив мяч у сетки. Асфальт покрывали разноцветные мелки. Здесь дети играли каждый вечер. Под площадкой, оказывается, лежали чужие могилы, о которых давно забыли.

— Значит, кладбище было прямо здесь?

— Не всё. Край. От старых ворот к дому напротив шла тропа. Когда землю перекроили, я за новым двором приглядывать стал. Старую тропу не трогал. Пока она сама не полезла наружу.

— А кто старую границу держал?

Дворовой насупился.

— Хозяин тех могил. Его дела с моими воротами не путай. Хочешь узнать имя — ступай к кладбищу. Я за ним по городу бегать не буду.

Марина бросила на меня быстрый взгляд. Я вспомнил имя, которое она произносила накануне: Савватий. Здесь, у серой полосы, мне не захотелось повторять его вслух.

Со стороны улицы послышался скрип тормозов. К воротам медленно подкатил тёмный внедорожник. За тёмными стёклами не было видно пассажиров. Моё новое зрение не превращало автомобиль в стеклянную коробку. Машина остановилась перед аркой. Из неё вышли трое. Двое широкоплечих держались чуть позади третьего — крепкого мужчины в дорогой тёмно-синей куртке. Лицо у него было тяжёлое, спокойное, словно он привык получать ответы прежде, чем задаст вопрос.

Он прошёл вдоль ворот, заметил нас у площадки и коротко усмехнулся.

— Артём Горин?

— Допустим.

— Глеб Рогов. Эдик, кажется, уже рассказал тебе, что у моего заказчика есть интерес к Жилино.

Я почувствовал, как Печать оттянула плечо. Марина не двинулась, только медленно убрала мешочек с золой в карман. Дворовой смотрел на чужаков с таким выражением, с каким сосед обычно встречает человека, бросившего мусор мимо бака.

— А вы тот покупатель чужих секретов, — сказал я. — Восемь тысяч за дорогу к старой яблоне — щедро. Эдик хоть обратно вас довёз?

Рогов улыбнулся шире. В его глазах ничего не изменилось.

— У меня простой разговор. Ты нашёл вещь, которая нужна моему заказчику. Отдаёшь, получаешь сто тысяч рублей и забываешь Жилино.

Сто тысяч. Хватило бы несколько месяцев не думать об аренде. Только на детской площадке за спиной уже шевелилась чужая земля, а из арки тянуло холодом. Я вспомнил мальчишку, который вчера там гонял мяч.

— А заказчик знает, что она делает?

— Ему виднее.

— Тогда ему особенно повезло. Только продажа отменяется.

Один из широкоплечих двинулся к воротам. Дворовой резко поднял голову.

— Чужие! — рявкнул он так, что я вздрогнул. Люди Рогова даже не обернулись.

Рогов продолжал смотреть на меня.

— Скажи цену сам. Мы ведь взрослые люди.

— Мне бы для начала нормально спать и не встречать мертвецов на пути к работе. Вы такое продаёте?

Улыбка исчезла. Рогов коротко кивнул своим людям. Один достал складную дубинку и двинулся ко мне; другой, прежде чем войти во двор, неторопливо обошёл сетку площадки. Я решил, что тот ищет обход для нападения. Рогов, однако, смотрел не на мой рюкзак, а на серую полосу за аркой. Когда ворота дрогнули, он словно получил ответ на вопрос, которого не задавал вслух. У калитки уже было двое чужих, а за качелями висел тяжёлый замок: просто выбежать не получится.

— Они за мной, — сказал я дворовому. — Можно их не пускать?

— А лавка? — спросил он.

— Лавка стоит. Ты сам проверял.

— Стоит, — признал дворовой. — Только с чего мне твои драки разбирать?

Марина шагнула к нему.

— Если они заберут Печать, через твой двор пойдут ещё мёртвые. Мы этого не хотим. Ты тоже.

Дворовой посмотрел на серый контур арки, потом на Рогова. Тот поставил ботинок на нижнюю перекладину ворот, собираясь пройти внутрь.

— Лавку мне починили, — пробормотал дворовой. — А этот ещё и железо топчет.

Цепь с грохотом ударилась о створку. Ворота захлопнулись прямо перед человеком с дубинкой. Он отшатнулся и выругался. Рогов резко повернул голову к железу. Для него всё выглядело как неудачно закреплённая створка. Один из людей Рогова навалился на створку плечом, но цепь туго обвила столб. Дворовой тянул её обеими руками, упираясь пятками в асфальт.

— Уходите задом! — рявкнул он нам. — Вдоль площадки!

Мы побежали. Марина рванула первой. Я бросился за ней, перехватив лямку рюкзака левой рукой. Окно на первом этаже распахнулось. Женщина в шапке высунулась наружу.

— Что вы опять творите? Вы её только починили!

— Обкатываем! — крикнул я.

Марина схватила меня за рукав и дёрнула к площадке. Рогов что-то приказал. Его второй человек обогнул ворота через открытую пешеходную калитку, которую дворовой не успел перекрыть. В руке у него блеснул нож.

Я поднял с земли забытый школьниками мяч и швырнул ему в лицо. Попал по плечу. Мяч отскочил, мужик на секунду сбился с шага, и этого хватило, чтобы мы добежали до турников. Правая ладонь подвела бы при первом же упоре. Я нырнул под перекладину, ударил преследователя ногой в колено и тут же получил кулаком по рёбрам. Воздух вышибло так, что мир стал узким и весьма неприятным.

Мужик потянулся к моему рюкзаку. Я отпрыгнул, зацепился каблуком за край резинового покрытия и тяжело сел на землю. Он навис сверху. Перстень на пальце оставался тусклым. Нож перстень не остановит. Пришлось искать способ выбраться из-под мужика собственными силами.

Между нами натянулась тонкая светлая нить. Марина стояла у опоры турника, стиснув пальцы левой руки. Нить схватила нападавшего за запястье и ненадолго стянула руку. Мужик рванулся, выругался, ударил ножом по воздуху. Марина поморщилась от усилия.

— Вставай!

Я поднялся и толкнул нападавшего плечом. Он ударился о стойку, выронил нож. Я пнул оружие под лавку, только что отремонтированную собственными руками. Крепёж звякнул, но планка выдержала. Дворовой одобрительно крякнул где-то рядом, но помогать дальше не спешил: все силы уходили на ворота.

Со стороны арки грохнул металл. Второй охранник прорвался внутрь, за ним вошёл Рогов. Мужчины растянулись вдоль площадки и перерезали нам путь к улице. Но Рогов не спешил за мной. Он заглянул в арку, где дворовой из последних сил удерживал цепь, и негромко приказал одному из своих проверить другой конец ограды. В окнах появились лица. Кто-то достал телефон. Марина поморщилась: вокруг оставались жильцы, а за дворовой сеткой торчали детские велосипеды. Костолом явно рассчитывал, что защитник двора бросится чинить свою территорию и перестанет помогать нам.

Женщина в яркой шапке выбежала из подъезда с пустой пластиковой бутылкой в руках.

— Эй! Вы что здесь устроили? Я сейчас людей позову!

Человек Рогова повернулся к ней. Мне не понравилось, как быстро он переменил направление. Я подхватил с площадки пластиковый ящик для мячей, перевернул его поперёк дорожки и крикнул:

— Домой идите! И окна закройте!

Женщина оглядела нож, который её соседям никогда раньше не показывали, и побежала обратно. Нападавший споткнулся о ящик, не упал, зато потерял пару секунд. Я тут же пожалел о своём героизме: теперь он смотрел на меня так, будто хотел добавить счёт за испорченную обувь.

— К выходу за домом, — сказала она.

— Там калитка заперта.

— Есть ещё проход.

Я повернулся в указанную сторону и увидел знакомую рябину, сломанную рекламную стойку и ту же лавку, которую мы только что чинили. Минуту назад до них было несколько десятков шагов. Теперь дорожка огибала площадку и возвращалась к началу. Под ногами был настоящий асфальт, возле дорожки росла та же рябина, но выход снова оказывался за спиной. Дворовой, согнувшись у ограды, обеими руками будто подтягивал к себе дорожки двора. Он имел право завернуть один проход. Сейчас использовал это право с таким усердием, что пот выступил на его лбу.

— Быстрее! — просипел он. — Я вас долго водить не стану!

Марина потянула меня вдоль забора. Позади раздался удивлённый голос охранника: он снова вышел к тем же воротам и ударил ладонью по металлической сетке. Рогов остановился, заметил повторяющийся поворот и нахмурился. Он видел эффект, хотя самого дворового для него не существовало.

— Горин! — крикнул он. — Ещё успеешь согласиться!

— Покупатель пусть сам приезжает! — ответил я. — Раз уж такой смелый!

Смелости в этих словах было больше, чем в моих ногах. Я перебрался через бордюр и увидел, как Рогов подал знак человеку у дальней калитки. Тот ухватился за плохо закреплённый столб сетки и потянул его на себя. Дворовой, державший запутанную цепь, выругался: заворачивать проход и удерживать ограду сразу у него не получалось. Серый контур под площадкой налился плотным холодом. За спиной у нас открывался ход, которого вчера не существовало. Рогов наблюдал за тем, как реагируют камни, и не тратил силы на бессмысленную погоню.

— Не туда! — крикнула Марина.

За сеткой спортивной площадки обозначились камни чужого двора. Один из людей Рогова, не видевший границы, рванул напрямик и едва не шагнул в серую землю. Рогов мог остановить его окриком, но смотрел на меня. У меня был выбор: броситься к внедорожнику за Костоломом или помешать расползтись проходу к велосипедам. Я схватил упавшую стойку рекламного щита, вогнал её поперёк ослабленного пролёта и ногой прижал к асфальту. Громила споткнулся о железо; столб сетки перестал ходить ходуном. Дворовой смог снова натянуть цепь. Рогов отступил к воротам, не выпуская из виду место разрыва. Ему хватило увидеть, где старый двор поддаётся сильнее всего. А я так и не подошёл к его машине.

Марина подняла ладонь. Связующая нить легла между столбом сетки и петлёй калитки, удержав её на несколько мгновений. Дворовой ударил цепью по плитке. В лицо ударило пылью и сухими листьями. Я закашлялся, почти ничего не видел, но Марина крепко держала меня за куртку. Мы протиснулись в открывшийся узкий ход за хозяйственным магазином. Дальше шёл обычный тротуар, пахнущий мокрым асфальтом и жареными семечками. За нами раздался грохот ворот, затем злой голос Рогова.

— Горин! Эта встреча не последняя!

— Я тоже на продолжение не подписывался, — прохрипел я и почти согнулся пополам.

Марина отступила к стене. Светлая нить на её пальцах растаяла; рука дрожала, губы побелели. Она опустилась на бетонный бортик возле магазина. Я хотел спросить, всё ли с ней в порядке, но закашлялся и согнулся. После удара в рёбра каждый глубокий вдох обжигал.

Через минуту из арки вынырнул дворовой. Он волок цепь, пыхтел и выглядел так, словно лично передвинул весь квартал. Выходить за собственный двор не стал: остановился строго у линии ворот.

— Всё, — сказал он. — Я вашу драку закончил. Больше так не делайте.

— На сегодня мы собирались только лавку починить, — ответил я.

— А мне теперь пыль обратно собирать. И лавку опять не трогай!

Он прищурился на рюкзак.

— Эта штука у тебя долго не задержится. Старые дорожки уже под площадкой шевелятся. Я тут сижу с тех пор, как первые дома заселили. Знаю, где камни закопали. За угловой пятиэтажкой раньше была сторожка. Жилец из второго подъезда помнил, какие камни там находили. Теперь он умер, а с тех пор в том доме всё чаще слышны шаги за пустой дверью.

— Кто он?

— Сосед. Он мне чужих кошек гонять не мешал. Имя не вспомню. Но характер у него был такой, что даже после смерти не уступит своего. Только с дверью у них осторожнее: после того как медную табличку над старым входом сорвали, лестница по ночам шумит.

— Какую вывеску?

— Медную. Над дверью висела. Однажды исчезла — только отверстия в стене остались. Вы и разбирайтесь, кому она понадобилась.

Я посмотрел на соседнюю улицу. За деревьями торчал угол старой пятиэтажки. В подъезде горел жёлтый свет. На первый взгляд ничего особенного. После последних дней такие дома вызывали у меня гораздо больше вопросов, чем заброшенные могилы.

— Спасибо за помощь, — сказал я.

Дворовой фыркнул, но уже без злости.

— За лавку спасибо. Только не думай, что я тебе теперь служу. За своим двором присматриваю я.

Он развернулся и исчез в тени арки. Я посмотрел на Марину. Она осторожно разжимала пальцы, проверяя, насколько слушается рука.

— Завтра к пятиэтажке? — спросил я.

— Завтра. Сегодня тебе домой. И мне бы пару часов спокойно посидеть.

Я поправил рюкзак. Печать оставалась при мне, зато Рогов успел проверить чужой двор на прочность. Дворовой удержал ворота, но дети по-прежнему играли над старой дорожкой. С этим знанием я уходил от площадки медленнее, чем прибежал сюда.

Сидя за рулём, я видел в зеркале обычную арку, облупленный кирпич и пустую лавку. Серую землю за сеткой легко было принять за осыпавшийся грунт, если не знать, кого Рогов пытался через неё выпустить.

Над входом в пятиэтажку остались пустые отверстия от медной таблички. Рогов проверил чужой двор на прочность и ушёл с этим знанием. Я завёл двигатель, но перед поворотом ещё раз взглянул на детские велосипеды за сеткой. В следующий раз его люди могут прийти не торговаться.

Глава 6. Сосед, который умер

Чайник вскипел, а налить воду в кружку с первого раза не вышло. Пальцы разжались, кружка стукнула о стол. Вчера Рогов не просто гнался за мной: он заставил дворового выбирать между цепью и разрывом под детской площадкой. Кто знает, сколько подобных мест он ещё найдёт, если его не остановить. На работу я всё равно собирался. Борисыч умел сочувствовать, пока машины не приходилось чинить за меня.

В мастерскую я поехал с опозданием. За прогулки по кладбищам с подозрительными знакомыми Борисыч не платил. Ещё одну пропущенную смену я себе позволить не мог. А сто тысяч Рогова не стоили и одного чужого порога, выпущенного на город.

Борисыч осмотрел мою помятую куртку и выдал тряпку для протирки инструмента.

— Тяжёлое не трогай. Посидишь на приёмке, пока нормально шевелиться не начнёшь. А вечером домой. У меня мастерская, Горин, а не травмпункт.

— Я думал, это наша общая реакция на цены запчастей.

— Горин, не начинай.

Я принимал клиентов и передавал машины Санычу. За соседним подъёмником стучал пневматический ключ, пахло резиной и кофе. Привычные звуки успокаивали. Почти. В стекле шкафа с инструментами вдруг мелькнула бородатая физиономия Семёна. Домовой стоял у меня за спиной на верстаке и недовольно разглядывал рюкзак.

— Опять принёс? — спросил он так тихо, что Борисыч не обернулся.

— А ты думал, я оставил его дома после вчерашнего?

— Вчера возле боковой двери трое топтались. Я придержал её, пока Борисыч ворота закрывал. Сегодня никого не видел. А железка твоя всё звенит.

— Она и без тебя мне не нравится.

Семён прищурился. Он умел придержать знакомую дверь, предупредить стуком и устроить нагоняй за беспорядок. Дальше мастерских ворот его власть не простиралась. Жаль: сейчас помощник с таким характером пригодился бы и на соседней улице.

— Не позови сюда чужих, — проворчал он и скрылся за коробкой с перчатками.

Я проверил рюкзак. Бронзовая Печать оставалась под полотенцем. Вдоль края проступила тонкая серая полоска, похожая на рубец у вчерашней арки. Город оказался набит старыми границами, которых раньше я не замечал. А одну такую границу я носил за плечами, словно запасную деталь.

Мама предложила приехать на выходных: пирог обещала, разговоров о работе — никаких. До родительского посёлка было почти девяносто километров. Я хотел ответить «приеду», но написал «постараюсь».

После обеда Борисыч отпустил меня при условии, что завтра выйду вовремя. Саныч молча забрал незаконченный заказ, покачал головой и велел не подставлять его второй день подряд.

Марина ждала у остановки с бумажным пакетом. На пальцах ещё виднелись красные полосы от вчерашней связующей нити. Я попытался поправить ремень рюкзака повреждённой рукой и едва его не уронил. Марина заметила, но ни ахать, ни поучать не стала.

— Можешь держать фонарь? — спросила она.

— Левой могу. Правой могу ругаться.

— Тогда пригодишься в обоих качествах.

Мы миновали магазин дешёвых телефонов и двор, где вчера чинили лавку. Она стояла ровно; дворовой сидел под рябиной и старательно нас не замечал. За углом начиналась соседняя улица. Пятиэтажка выглядела так, будто её построили из упрямства: облезлая краска,

решётки над подвальными окнами, полотенца на балконах. Между подъездами кто- то разбил клумбу в старых автомобильных шинах.

— Вот уж место для древних тайн, — сказал я.

— Старое место не обязано выглядеть старым, — ответила Марина.

Над вторым подъездом на стене темнел прямоугольник чистой штукатурки. Четыре отверстия по углам напоминали следы выдранных зубов. Под новой лампой стояла женщина в домашнем халате и тщетно вытаскивала из замка связку ключей.

— Помочь? — спросил я.

— Если руки на месте, помогайте, — ответила она. — Вчера дверь дважды сама захлопнулась, сегодня ключи не отдаёт. Я уже и на неё ругалась, и с ней мирилась.

Я придержал створку плечом и осторожно потянул ключ левой рукой. Тот вышел без сопротивления. Женщина шумно выдохнула.

— Спасибо. Вы не из тех, кто табличку снял?

Мы переглянулись.

— Какую? — спросила Марина.

— Медную. Тут висела. Давно пропала, а теперь вдруг всем понадобилась. Вчера двое ходили, спрашивали, кто её забрал. Один в дорогих ботинках, второй вообще рта не открыл. Я им сказала: чужое ищете — сами ищите. Мне дверь чинить некогда.

Она представилась Верой Павловной и окинула меня взглядом, задержавшись на рассечённой брови.

— А вы к кому?

— К соседу из второго подъезда, — сказал я. — Он, говорят, старые времена хорошо помнил.

Вера Павловна поджала губы.

— Нашего Фомича ищете? Опоздали. Шесть лет как умер. А поговорить с ним все до сих пор хотят. Особенно ночью, когда шаги на лестнице слышат.

Она сказала это без улыбки. Невольно оглянулась на дверь и добавила:

— Он и двери смазывал, и кошек кормил, и за каждым чужим приглядывал. Потом упал на площадке между вторым и третьим этажами. Сердце. С тех пор там лампочки перегорают быстрее, чем я успеваю их покупать.

— Можно посмотреть лестницу?

— Да смотрите. Только дверь не подпирайте, коты в подвал лезут.

В подъезд мы вошли вдвоём. Пахло краской, мокрым бетоном и жареным луком. На первом этаже стояла детская коляска со спущенным колесом. По лестнице сбегал школьник, уткнувшись в телефон. Я посторонился и увидел за его плечом человека в сером свитере.

Невысокий старик держался за перила. Лицо у него было обыкновенное, лишь глаза казались выцветшими. Сквозь его левое плечо просматривалась надпись на стене: «Не мусорить». Школьник прошёл прямо сквозь старика и даже не поёжился.

— Фомич? — спросил я.

Старик вздрогнул. Его губы дрогнули, словно он давно не пользовался собственным голосом.

— Не открывай лишнюю дверь, — прошептал он.

— Какую третью?

Он посмотрел вверх. На площадке второго этажа что-то сухо щёлкнуло.

— Они забыли, где вход был. Табличку унесли. Теперь чужие считают этот дом своим.

Марина поднялась на две ступени. Старик отступил к перилам. Она не тронула его, лишь показала пустые ладони.

— Мы знаем про табличку. Хотим понять, кому её вернуть.

— Мне обещали. Коргин обещал. На неделю, сказал, берёт, потом вернёт всё как было. Ты его знаешь?

Под курткой стало холодно, будто кто-то приоткрыл окно в морозный подъезд.

— Знал по рассказам. Он умер.

— Знаю, — сказал Фомич. — Обещание с ним не умерло.

Он произнёс последнее слово так, словно сам держал на плечах старую дверь. Потом послышались шаги сверху. Старик резко отступил к стене.

— Выше смотри. Только руками не трогай.

На втором этаже висело зеркало в тяжёлой деревянной раме. В отражении вместо следующего пролёта тянулся узкий коридор с дверью, обитой почерневшей жестью. За самим зеркалом была обычная стена.

Я задержался перед ним. Отражённый коридор не приближался и не исчезал. Из его глубины донёсся скрип, будто кто-то медленно тащил по полу тяжёлую мебель.

— Это призрак делает? — спросил я.

— Нет, — ответила Марина. — Сама граница сбилась. Он только чувствует, где опасно.

Фомич кивнул. Марина присела у лестничного окна и провела пальцем по тонкой серой пыли под рамой. Потом посмотрела на край зеркала: там пыль собиралась в короткую, будто обрезанную дорожку.

— Здесь когда-то был другой вход. Его убрали, а место дорогу помнит. Пока Печать лежала на рубеже, чужим ходам некуда было раскрыться. Табличка помогала дому удерживать свой порог.

— То есть, чтобы дом снова стал домом, надо вернуть кусок меди?

— Надо попробовать. Пока мы даже не знаем, где он.

Наверху хлопнула дверь. По лестнице сбежал мужчина с пакетом мусора, увидел нас и остановился.

— Вы что тут делаете? — спросил он. — У нас и так с лестницей беда. Вчера со второго этажа сразу на четвёртый вышел. Думал, после смены совсем заработался.

— А сегодня? — спросил я.

— Сегодня решил пешком не ходить.

— У вас лифт есть?

Мужчина посмотрел на меня с жалостью.

— В этом доме? Вы откуда приехали?

Он протиснулся мимо. Марина проводила его взглядом и повернулась к лестнице.

— Пойдём к третьему. Фомич не зря предупредил.

Я поднялся следом. На площадке между этажами висел почтовый ящик без дверцы. Справа была квартира с зелёным ковриком. Слева, где должна была продолжаться стена, теперь стояла деревянная дверь без номера. На её пороге лежала свежая серая пыль. По ней тянулся узкий мокрый след, словно кто-то волочил полы длинного пальто.

— Здесь нет квартиры, — сказала Марина.

— Замечательно. Значит, хозяину не придётся платить коммуналку.

Я осторожно коснулся ручки левой рукой. Металл обжёг холодом. С другой стороны трижды постучали. Я отдёрнул пальцы. Марина достала щепоть золы, растёрла её и провела короткую черту по косяку.

— Не открывать, — произнесла она.

Дверь ударилась о коробку так, что посыпалась краска. Ещё три удара. Фомич возник у лестницы; даже для призрака он выглядел мертвенно-бледным.

— Я держал, сколько мог. Чужая дорога к моей площадке прилепилась.

— Ты можешь закрыть её? — спросил я.

— На несколько вдохов. Раньше двери слушались лучше.

Фомич прижал прозрачную ладонь к ручке. Дверь затихла, замок коротко щёлкнул. И тут снизу закричала Вера Павловна.

Мы обернулись. Вера Павловна стояла у входа, вцепившись в перила. Перед ней из стены выступала фигура в мокром длинном пальто. Лицо скрывали седые пряди. С подола капала серая вода, но на сухом полу не оставалось ни единой лужи. Незнакомец тянулся к наружной двери.

— Закройте вход! — крикнула Марина.

Я бросился вниз. На повороте меня качнуло к перилам; пришлось ухватиться здоровой рукой. Перстень не помогал и не собирался: по мне никто не бил заклятием. Здесь решали обычные ноги и соображение.

Вера Павловна застыла у выхода. Похоже, она видела только тень в дверном проёме. Я отвёл её за почтовые ящики, подальше от мокрых следов, которых она не замечала.

— К себе идите. И дверь за собой закройте.

— Там кто-то стоит… Тень у двери!

— Знаете, я бы в таком случае к себе поднялся, — сказал я. — Дверь закройте покрепче.

Вера Павловна скрылась в квартире. Я захлопнул наружную створку; защёлка встала на место. Незнакомый призрак замер перед ней и медленно повернулся ко мне. Под слипшимися волосами зияли тёмные провалы. Из-за него пахло мокрой землёй и речной тиной.

Марина спустилась на нижнюю площадку и выставила ладонь. На полу проступил бледный круг, едва вместивший нас обоих. Лестница и незнакомец остались за его чертой.

— Это чужой, — сказала она. — Не местный жилец. Он вышел через старую дорогу, пока порог открыт.

Призрак двинулся ближе. Круг тускло вспыхнул. Марина стиснула зубы. Я видел, как от усилия подрагивают её пальцы.

— Надолго меня не хватит. А если кто-нибудь распахнёт наружную дверь, он уйдёт за вами во двор.

Сверху грохнуло. Фомичу пришлось отпустить ручку; дверь без номера распахнулась. Площадку залило серым светом. Мы оказались между открытым проходом и выходом на оживлённую улицу.

— Надо его вернуть? — спросил я.

— Заставить отступить к щели. Сам он здесь заблудился. Но толкать его руками не вздумай.

Я посмотрел на мокрого незнакомца. Он не бросался на нас: его тянуло к выходу. От каждого шага пальто становилось прозрачнее, будто дом отказывался его принимать. Если он попадёт во двор, следующий прохожий может заметить чужую лестницу лишь тогда, когда уже шагнёт на неё.

— Фомич! — крикнул я вверх. — Можно закрыть дверь за ним, когда он пройдёт?

— Могу на миг, — ответил старик откуда-то из пролёта. — Только подведи его обратно.

Марина погасила круг. Наверху из распахнутой двери потянуло могильным холодом, и незнакомец повернулся к нему. Я медленно отступил по лестнице, оставляя проход свободным. Он пошёл следом. Возле ненумерованной двери из серого света выступали влажные камни; призрак замедлил шаг, узнав их.

Снизу щёлкнул замок. Вера Павловна снова приоткрыла дверь: любопытство всё-таки пересилило здравый смысл. Незнакомец повернулся к её голосу.

— Не выходите! — рявкнул я.

Вера Павловна захлопнула дверь. Марина метнула связующую нить поперёк нижнего пролёта. Светлая полоса отделила лестницу от выхода. Призрак остановился перед ней, затем повернулся к знакомым камням и шагнул в серый проём.

— Сейчас! — крикнул я.

— Сейчас! — крикнул я. Фомич навалился на ручку. Дверь притянуло к косяку с сухим щелчком, и коридор пропал. На его месте снова стояла глухая стена. Марина опустилась на ступеньку; светлая нить исчезла.

Я сел рядом. Из квартир пахло жареным луком, а телевизор за стеной громко обещал скидки на стиральные машины. Я смотрел на пустую стену и думал, сколько продержится эта тишина.

— Почему дверь пропала? — спросил я.

— Ненадолго, — сказала Марина. — Место пытается вспомнить прежний вход. Пока табличка у чужих, а Печать снята с рубежа, щель снова отыщет дорогу. Сегодня мы только захлопнули её.

Фомич стоял у перил, похожий на старика, который всю жизнь чинит общий замок и даже после смерти не может уйти с дежурства. Он посмотрел на меня внимательнее, чем прежде.

— Ты не пустил его на улицу. Коргин тоже обещал, что этого не допустит. Потом забрал медь — и пропал.

— Расскажи про табличку, — попросил я. — Без загадок. Их у меня уже больше, чем свободных вечеров.

Старик медленно спустился на ступеньку ниже.

— Раньше здесь стояла сторожка у северных ворот старого погоста. Я ещё мальчишкой видел её фундамент, когда дом строили. Медная доска висела над входом. Потом её закрепили на этом подъезде, чтобы место помнило свой порог. Коргин пришёл с грязью на ботинках и деревянным коробом под мышкой. Я тогда уже умер, но он меня услышал. Как — не знаю. Снял доску, завернул в мешковину. Имя у него было выжжено на крышке короба. Больше не видел ни его, ни медь.

— Что было написано на доске?

— «Северные ворота». А по краю шёл старый выпуклый узор, словно две створки сходились. Я его узнаю даже вслепую. Жаль, руками теперь не потрогаешь.

Я представил старый короб в каком-нибудь гараже, окружённый хламом. До сих пор считал, что у Коргина хватило секретов на деньги, бронзу и перстень из Жилино. А он, похоже, целый город оставил без дверных ручек.

— У Коргина гараж где был? — спросил я.

— У речного спуска. Старый ряд, возле бетонного забора. После смерти вещи оттуда растащили. Я со своей лестницы не видел, кто забирал.

Он сказал это с такой досадой, что мне стало его по-человечески жаль. При жизни Фомич присматривал за дверями, после смерти занимался тем же, только чужаков прибавилось.

Марина выпрямилась и поправила рукав. Зольная пыль ещё держалась на её пальцах.

— Пойдём к гаражам, — предложил я. — Коргин ведь не мог унести свой короб на тот свет. Кто-то должен был его вытащить.

— И этот кто-то мог хорошо запомнить дорогу обратно. Держись рядом, — ответила она.

Фомич подошёл к перилам.

— Если найдёшь доску, верни над дверью. У меня больше сил на целый дом не хватит.

— Попробую забрать. Обещать лёгкую победу не стану.

— И правильно. Соседи мне при жизни всякого наобещали.

Мы спустились. Вера Павловна приоткрыла квартиру ровно настолько, чтобы увидеть нас одним глазом.

— Тихо стало? — спросила она.

— Пока тихо. Дверь за собой закрывайте.

— А Фомичу передайте, если уж видите, что кран на третьем опять течёт.

Я не сразу нашёл ответ. Марина отвернулась, пряча улыбку. Сверху дважды стукнули по перилам — не страшно, по-соседски.

У бетонного забора возле речного спуска тянулся старый ряд гаражей. Один был распахнут. Изнутри слышался скрип колёс и чей-то раздражённый голос. Я узнал его раньше, чем увидел хозяина.

— Аккуратнее, говорю! — возмущался Эдик. — Вы мне весь товар переломаете!

Я остановился за брошенным автомобильным крылом. У гаража стояла знакомая серая «Газель». Человек Рогова, который вчера гнался за мной через двор, катил к машине деревянный короб с железными уголками. На крышке чернели выжженные буквы: «КОРГИН».

Марина заметила надпись и стиснула моё плечо.

Из короба торчал свёрток в мешковине. Когда грузчик дёрнул его за край, ткань сползла. На солнце блеснула медь. Я успел различить два выпуклых края, сходившихся, словно створки ворот, и короткую строку: «Северные ворота».

— Вот и табличка, — прошептал я.

— И хозяин, который за ней не приходил, — сказала Марина.

Мужчина потянул свёрток в кузов. Я вышел из-за крыла и ухватился за нижнюю перекладину тележки. Колёса застряли в щели между плитами. Деревянный короб качнулся. Рука прострелила болью, зато грузчик отпустил медь и повернулся ко мне.

— Горин? Ты совсем с головой поссорился?

— У этой вещи уже есть адрес. Обратно в подъезд её везём.

Грузчик шагнул ко мне. Марина щёлкнула пальцами, и на миг у него перед глазами встала зольная пелена. Этого хватило, чтобы я перевернул пустой железный лоток под колёса. Тележка завалилась набок. Короб с грохотом ударился о бетон.

Я метнулся к табличке, но мужчина оказался быстрее. Он подхватил медь вместе с мешковиной и закинул в кабину «Газели». Дверь хлопнула перед моим носом. Я едва успел отскочить, когда машина рванула с места.

— Передай Рогову, что мёртвые у него сдачу попросят! — крикнул я вслед.

Эдик стоял в воротах гаража с выражением человека, которому только что испортили удачную торговлю.

— Ты за что мой короб уронил?

— Не твоим был. Как и медь.

— Мне из коргиновского гаража всё отдали. Рогов купил, я продал. Кого ещё спрашивать?

— Например, того старика, что над этой дверью дежурит шесть лет после смерти.

Эдик оглянулся на пустой проезд. На этот раз он даже не потребовал денег за объяснение.

Я поднял крышку короба. Угол был разбит, внутри остался лишь запах старого дерева. На дне темнел прямоугольник, где много лет лежала медная доска. Поцарапанное днище подтвердило то, что я увидел своими глазами: Рогов забрал именно входную табличку, а не очередной безымянный кусок металла.

— Теперь он знает, что мы ищем, — сказала Марина.

— И знает, что за него я работать не собираюсь. Зато мы узнали, где вещь. В следующий раз не подойду к ней с больной рукой наперевес.

Марина посмотрела на меня так, будто собиралась прочитать лекцию. Вместо этого подняла с земли мой упавший рюкзак.

— Следующего раза может и не быть, если он первым доберётся до речной черты. Там заканчивается старая дорога от кладбища.

Я оглянулся на пустой гараж. Из всего коргиновского добра мне достался грохнувший об землю короб, да и тот Эдик уже тащил обратно под крышу. Рогов увёз медь. Но теперь он знал, что я видел её своими глазами, и действовать спокойно ему будет сложнее.

К пятиэтажке мы возвращаться не стали. На площадке Фомич всё равно не услышал бы нас с улицы, а нового обещания у меня для него не было. У дверей соседних домов разговари-

вали жильцы, ребёнок нёс мяч, из доставки пахло пиццей. Город занимался своими делами, пока мы делили с Костоломом кусок меди, на котором держалась чужая лестница.

— Завтра к нижней пристани? — спросил я.

— После работы, — ответила Марина. — И к воде первым больше не лезь.

— Договорились. Ты тоже сегодня без чудес. Тебя от одного круга уже качает.

Она кивнула. При свете фонаря её лицо казалось бледнее обычного. Я довёл её до машины. Пока помогал сесть, у меня самого подогнулись колени.

На заднем стекле сидела обыкновенная муха. Я проверил отражение — за мной никто не стоял. В рюкзаке тихо звякнула Печать. Со стороны реки тянуло холодом. Где-то за домами скрипнула цепь, и я вспомнил Фомича, державшего дверь перед незваным гостем. Если Фомич снова откроет дверь незваному гостю, простой прогулкой дело не кончится.

Глава 7. Плата за воду

В мастерскую пригнали машину с водорослями, прилипшими к дверце. Владелец уверял, что к самой реке не спускался: лишь остановился на набережной, когда жена заметила лестницу там, где вчера стояло сплошное ограждение. Она успела сделать два шага и едва не ушла под воду. Мужчина оттащил её за воротник, а на сухом асфальте после этого остались мокрые следы босых ног.

— С дверью-то что случилось? — спросил Борисыч. — Или вы нам водоросли на хранение привезли?

— Сама открылась. А жена теперь от любого спуска к реке шарахается.

Я заглянул в салон. На коврике лежала мелкая галька, какой у городского тротуара не бывает; от двери пахло тиной. Владелец показал грязную полоску на рукаве: за неё он и удержал жену. Вчера мы с Мариной видели у речного спуска людей Рогова. Если граница поползла и здесь, ждать до вечера было опасно.

Снаружи кто-то дважды стукнул по воротам. Семён в подсобке отозвался так сердито, что Борисыч выругался и пошёл проверять задвижку. Пока начальник разбирался с воротами, я набрал Марину.

— У нижней пристани людей едва не утянуло под воду. Там появилась лестница, которой раньше не было.

— Видела сегодня следы ломов у спуска, — ответила Марина. — Кто-то выковыривал старое железо из берега. Я проверю узкую дорожку вдоль ограды. Встретимся у цепи.

— Вчера увезли медь от Фомича, сегодня принялись за речной берег. Рогов решил продавать Кобрин по частям?

— Узнаем на месте. Перстень в воду не суй: чужое течение он не остановит.

Я попросил Борисыча отпустить меня после обеда. Он посмотрел на машину с водорослями, на мои ссадины и велел завтра закончить оставленный заказ. Отказываться от работы у человека, который ещё не заметил упырей в городе, было совестно. Я согласился.

К нижней пристани я добрался через забитый автобусами проспект. Машину оставил у склада, чтобы при необходимости сразу уехать. У ограждения спорили трое подростков и женщина с пакетами. За закрытой лестницей слышался плеск, хотя со стороны набережной к воде вёл лишь каменный обрыв. Самая младшая уже сунула ногу под цепь.

Я встал между девочкой и оградой. Она сердито дёрнула плечом. За цепью в тот же миг проступила мокрая ступень, а под ней закружилась вода. Ещё шаг — и подросток оказался бы на краю.

— Там обрыв, — сказал я. — Лестницу размыло. Не проверяйте, что под ней.

Женщина увела подростков к остановке, ворча на мою грубость. Марина появилась со стороны склада и замерла возле цепи: вода лизала металл снизу, но на нём не оставалось ни капли.

— Раньше ложный спуск показывался только тем, кого звали русалки, — сказала она. — Сейчас подменяется весь берег.

Я присел у цепи. Между плитами торчал медный осколок, недавно задетый ломом. Он напоминал часть старого крепления: выгнутый край, выеденная водой зелень, одна обломанная заклёпка. Я вытащил его пальцами и показал Марине. Она понюхала металл, поморщилась и кивнула на реку.

— Здесь вынули что-то крупнее, — сказала она. — После этого берег и начал показывать чужие ступени.

За опорой ограды застучали колёса. Я обернулся и увидел только корму белого фургона, скрывшегося за складским поворотом. По мокрому бетону тянулся свежий след тележки. Кто-то поторопился уехать, пока набережная не превратилась в ловушку для случайных прохожих.

Мы пошли вдоль ограды к узкой полосе настоящего берега. Я держался на расстоянии от воды и поглядывал наверх, где за стеклом подъезда отражалось вечернее солнце. Любой прохожий мог принять несуществующую лестницу за удобный короткий путь.

— Древняя речная дорога проходила где-то здесь, — сказала Марина. — Но точного места я не знаю. Смотри под ноги и не доверяй ровным ступеням.

Она предупредила вовремя. В двух шагах впереди возник широкий спуск к деревянной пристани с красными перилами. Ступени казались сухими, а на нижней сидела девушка с длинными мокрыми волосами и завязывала красную ленту. Ещё секунду назад я видел здесь голые камни.

— Здесь же нормально спускаться, — сказал я.

Марина схватила меня за куртку.

— Артём. Посмотри на камни слева.

Слева были камни, мутная вода и гнилая доска. Я перевёл взгляд обратно. Лестница никуда не делась. Девушка подняла голову. Черты лица расплывались, зато мокрые босые ноги я видел отчётливо. На одной лодыжке блеснула тонкая серебряная цепочка.

— Ты чего встал? — спросила она приветливо. — Лодка отходит.

Из-за красных перил послышался плеск вёсел. Я шагнул на первую ступень — и вместо неё ботинок нащупал скользкий камень. Холодная вода ударила по колену. Правый ботинок застрял между скользких камней, а пальцы не успели ухватиться за ивовую ветку. Меня повело боком к течению.

Марина рванула за рюкзак. Лямка впилась в плечо. Я выругался, опустил ладонь на дно и с трудом выдернул ногу. Вода упрямо тянула ногу к середине русла, хотя вдоль берега течение казалось слабым. Снизу по голени прошла ледяная полоса. Никакая лестница уже не выглядела сухой. Красные перила растворились в брызгах.

— Смотри на настоящие камни! — крикнула Марина.

Она провела ладонью перед лицом, будто смахнула паутину. Воздух коротко дрогнул. Я увидел низкий грязный берег, спутанные корни и двух девушек по пояс в воде. Одна держала красную ленту. Другая улыбалась так, словно только что услышала удачную шутку. На их плечах блестела вода, а волосы лежали по поверхности реки тёмными полосами.

— Русалки, — выдохнул я.

— Угадал, — сказала девушка с лентой. — Только поздно.

Вода снова хлестнула по ногам. Я вцепился левой рукой в корень, освободил ботинок и выбрался на камни. Марина удержала меня за рюкзак. После рассеянного морока она тяжело дышала; ещё один такой рывок ей бы не понравился.

— Мы пришли говорить с хозяином русла, — сказала она русалкам. — Не трогайте дорогу.

— У нас нижнюю тропу забрали, — ответила вторая. Голос у неё оказался неожиданно низким. — А теперь вода сама выбирает, где снова открыть ступени.

— Люди по ним падают, — сказал я, отжимая мокрую штанину.

— Люди и по нормальным ступеням падают. Вы берег отгородили, а виноватых к воде присылаете.

— А вы зачем дорогу подменяете? — спросил я. — У вас тут вход платный?

Краснолентая засмеялась. В воде за её плечом мелькнула ржавая тележка, застрявшая между сваями. Русалка обернулась к ней и сразу помрачнела.

— Раньше здесь женщины бельё полоскали, дети с причала прыгали, рыбаки лодки вытаскивали, — сказала она. — Потом берег засыпали и повесили цепь. Теперь приходят только за чужим железом.

Она перекрутила мокрую ленту в тонкий жгут. Я посмотрел на бутылки между камнями и ржавую тележку под настилом. Русалки едва меня не утопили, но и весь берег люди превратили в место, от которого лучше держаться подальше. От сочувствия вода не становилась теплее.

— Цепь наверху я видел, — сказал я. — Только она настоящая. А твоя лестница ведёт прямо в яму.

— Отойди тогда, — отрезала русалка. — Мы никого не звали по имени.

Мне нечего было возразить: я сам поверил в чужую лестницу. Её не требовалось даже звать по имени.

Девушка с лентой подплыла ближе. На воде вспыхнуло моё отражение: там я уже протягивал русалке руку, хотя настоящую держал у груди. Я попятился. Жена утреннего клиента, должно быть, увидела такую же удобную лестницу. За старую обиду русалки мстили первым встречным, которые понятия не имели, кто засыпал им берег. Ответить хотелось крепко, но течение ещё держало мою ногу в памяти.

— С него хватит, — сказала Марина. — Ты и так чуть не утянула человека.

Русалка качнула головой, и отражение разошлось волнами. От этих игр перстень не помогал: никто не бил в меня заклятием. Достаточно было подставить вместо берега воду и дождаться моего шага.

Из-под пристани дважды глухо ударило железом. Русалки обе обернулись. Я заметил, что за третьей сваей крутится отдельная струя: она задирала клочок водорослей против течения. Похоже, внизу застрял предмет, а привязанная к нему верёвка била пустым концом о дерево. Я опустился на колени, придержал ладонью мокрый настил и разглядел что-то медное между камнями.

— Здесь недавно снимали что-то тяжёлое? — спросил я.

Краснолентая перехватила моё запястье, не давая нагнуться дальше. Пальцы у неё были холоднее воды.

— На прошлой неделе рыбаки с «Чайки» вытащили со дна железную чашу, — сказала она. — А вчера сюда явились другие: думали, найдут ещё одну такую же. Они раскидали камни, и старую струю сорвало с места.

Из-под настила поднялся водяной. Тина свисала с плеч тяжёлыми лохмотьями. Он окинул взглядом мою руку в хватке русалки и медленно разжал её пальцы.

— Ты с чужой Печатью, — произнёс он. — А по моему дну уже неделю шарят за железом. Весёлая компания.

Под третьей сваей я увидел плоскую медную пластину, зажатую двумя камнями. Когда я потянулся к ней, водяной шевельнул пальцами — и течение ударило под настил с такой силой, что доска под грудью дрогнула. Я отдёрнул руку. Потом сдвинулся левее, за каменную опору, где струя слабела, и нащупал край находки кончиками пальцев. Пластина вышла с песком и речной травой. На ней был выдавлен колокольный знак, а рядом зияли пустые отверстия для крепежа.

— Похоже, не всю чашу унесли, — сказал я, показав водяному пластину.

Водяной взял медь и долго рассматривал выломанные отверстия. Зазеленевший металл на его ладони вдруг потемнел; старик узнал вещь. Я перестал тянуться к карману, куда машинально складывал удачные находки.

— Чашу рыбаки утащили. А это её крепление, — сказал он. — Люди, что приходили вчера, разорвали остаток старой связки. Теперь течение ищет прежнюю дорогу там, где ему вздумается. И на берегу появляются ступени.

Я мог бы попросить медь себе: хотя бы ради того, чтобы её не получил Рогов. Но за мою минутную удачу уже расплачивались люди на набережной. Водяной погрузил пластину в воду и прижал к зазубрине на свае. Струя немного стихла. Я заметил, что пустые отверстия сходятся с крюком, на котором раньше висела чаша. Её возвращение могло вернуть на место и опасную речную дорогу.

— Чашу увезли рыбаки, — сказал я Марине. — Найдём её раньше Рогова — у нас появится выбор, а у него не останется даже железного ломтя.

— Где искать? — спросила Марина. — Лодок на реке хватает.

— У тех, кто вытащил. Русалки видели, как работали рыбаки. Если узнаем лодку, не придётся метаться по всем складам.

Мимо медленно прошла пустая лодка с выцветшей чайкой на борту. На корме проступали свежие царапины: по размеру и форме они напоминали следы тяжёлого обода. Красно-лентая проводила лодку злым взглядом. Я запомнил её, но уверенности не испытывал: такую краску мог нарисовать любой рыбак. Придётся увидеть вещь самому.

Водяной отлепил пластину от сваи, повертел в руках и спрятал глубоко под настилом. За его спиной вода на миг поднялась, закрывая тайник от берега.

— Медь останется здесь, — сказал он. — Чашу вернёте туда, где она висела. Когда увижу её на месте, открою старую речную тропу. И заруби себе на носу: вода не обязана ждать, пока люди закончат торговаться.

Я запомнил расположение третьей сваи, треснувший камень у её основания и ржавый крюк, который не было видно с дорожки. Люди Рогова могли увезти железо, но эту опору без воды и рук не перенести. Впрочем, кто знает, на что способен хороший лом в руках дурного человека.

Водяной ушёл под настил. На поверхности ещё несколько секунд держался темноватый круг, затем он расплылся. Русалки отплыли к противоположному берегу, и ложная лестница исчезла.

Мы выбрались на дорожку у склада. Из правого ботинка при каждом шаге вытекала вода, левый остался почти сухим. Марина протянула мне бумажную салфетку, которую достала из кармана. Я посмотрел на неё.

— Для ботинка?

— Для лица. Ты после речных переговоров белее водяного.

— Ему было проще. Его хотя бы не пытались заманить на свидание.

Марина присела на сухой край ограды. Пальцы после русалочьего морока ещё не слушались её толком. Я принёс из киоска чай и бутылку воды; горячий стакан она взяла обеими руками.

— Ты видела этот столб? — спросил я, вернувшись с покупкой.

— Знала, что здесь была старая дорога к реке. После засыпки берега её следы исчезли. Водяной помнит прежнее русло. Если вернём чашу, он покажет часть границы. Но на его стороне мы будем гостями, и это лучше помнить.

— Он сказал про другого хозяина?

— На старом городском кладбище хозяин Савватий. Аксинья уже предупреждала: вдвоём они должны договориться, куда вернуть Печать. Без речного пути мы можем вообще не попасть к старому рубежу.

Мы допили чай, наблюдая, как над мостом вспыхивают фонари. От складского навеса отделилась знакомая сутулая фигура. Прохор шёл пешком и слегка прихрамывал. В вечернем свете лицо упыря напоминало потемневшую штукатурку; жёлтые глаза я узнал сразу.

— Привет, — сказал я. — У нас тут встреча одноклассников с обязательным купанием?

— Следил за вами от гаражного ряда, — ответил упырь. — Могли бы хоть раз оглянуться.

— Оглядывался. Просто искал кого-нибудь, кто выглядит менее голодным.

Прохор посмотрел на мокрую штанину и поморщился.

— С водяным торговался?

— Он потерял чашу. Мы обещали вернуть.

— Слова точно помнишь?

— Обещали попытаться найти чашу и вернуть её, — ответил я. — Тогда он покажет прежнюю границу своего берега.

— Хорошо, что сроков не называл. Водный хозяин каждое слово слышит по-своему. Ляпнешь «к утру» — потом хоть в реке ночуй.

— А ты откуда знаешь?

Прохор помолчал. По его подбородку пробежала тень, от которой мне вспомнилось утро в Жилино.

— Когда был жив, лодку держал. Сети ставил. У речных хозяев память хорошая, а терпение плохое. Один раз ошибся — надолго запомнил.

— Ты до сих пор не сказал, почему Коргин вынес Печать со старого рубежа, — сказала Марина. — И откуда Рогов знает о железе из его тайников?

Прохор посмотрел на воду, где недавно стояла ложная лестница. — Коргин оставил за собой слишком много вещей, — сказал он. — Теперь живые скупают всё, к чему он прикасался. Я видел, как белый фургон крутился возле рыбацкого спуска. Люди спрашивали, кто поднял чашу, а потом поехали в город.

Он усмехнулся кривым ртом и отвернулся от реки.

— Коргин доверял тем, кому нельзя, — добавил Прохор. — Старые хозяева тоже не сумели договориться. Мне не всё известно, а то, что знаю, даром не отдам.

— У тебя даже недосказанность по частям, — заметил я.

— До следующей встречи доживи, копатель.

Я успел загородить ему путь у сухой дорожки.

— Погоди. Ты ведь Коргину помогал? Откуда ты знал дорогу к старым воротам?

— Я показал ему проход, — ответил Прохор. — Надеялся, он исполнит обещание. Когда пропала Печать, мой счёт остался неоплаченным. Ты сейчас повторяешь его путь, только люди Рогова уже научились искать за тобой.

Я вспомнил мокрый след тележки у цепи и медь, спрятанную водяным под настилом. Кто-то наверняка следил, как мы ходили вдоль берега. В следующий раз следовало смотреть не только под ноги.

— Что он тебе обещал?

— Когда встретишься с хозяевами, услышишь. А пока держи Печать при себе. За ней идут не из уважения к покойникам.

Прохор скользнул взглядом по рюкзаку и вышел на освещённую дорожку. Он вновь не ответил прямо. Марина удержала меня за рукав: ругаться с упырём у воды после всего сегодняшнего было неразумно.

Прохор ушёл пешком, не тая в воздухе и не прыгая между тенями. Его тёмное пальто мелькнуло за мусорными баками, затем исчезло за складом. Даже упырю приходилось обходить здания, как обычному человеку.

За складом хлопнула дверь фургона. Я уже собирался идти к машине, когда заметил мужчину в длинном пальто. Он стоял возле погрузочной рампы, держа руки в карманах, и разговаривал с грузчиком Рогова. На руке незнакомца поблёскивал массивный перстень; от его ботинок не тянулось мокрых следов, хотя он только что пересёк залитый водой проезд.

— Хозяину нужна не эта железная посудина, — сказал незнакомец негромко. — Печать. Лавр платит за целую, без сколов. До завтра ещё успеете решить.

Грузчик оглянулся на складские ворота. Я узнал его по плечам и красному капюшону, который он сейчас прятал под курткой.

— Рогов сам цену назовёт. Скажи своему Седову, чтоб не присылал больше людей ко мне во двор.

— Он пришлёт туда, где вещь появится, — ответил мужчина. — И пусть ваш хозяин помнит: речная дорога не откроется для того, кто умеет только продавать краденое.

Незнакомец повернул голову. В свете рампы его лицо осталось неподвижным, словно разговор происходил без единой мышцы. Марина тихо втянула воздух. Я понял, что мы задержались на опасном расстоянии.

Грузчик увидел меня первым. Он указал пальцем на мокрые штаны и захохотал: «Горин! Ты опять вместо денег из реки вылез?» Мужчина в пальто сразу перестал смотреть на него.

— Ты знаком с этим человеком? — спросил он.

Я отступил к машине. Марина уже стояла у пассажирской двери и держала ладонь возле кармана с золой. Краснокурточный сделал шаг за нами, но незнакомец остановил его коротким жестом. Драки, к счастью, не случилось. Зато я увидел, как мужчина в пальто разглядывает мой рюкзак.

Мы сели в машину, прежде чем они передумали. Я завёл двигатель, но у выезда со стоянки пришлось пропустить грузовик. Марина воспользовалась паузой:

— Лавр Седов — вампир. Торгует на ночном рынке. У него есть подготовленные убежища; чужие дороги для него стоят дороже золота.

— Значит, Рогов нашёл покупателя, который знает, зачем ему Печать. И тот уже видел меня. Удобное знакомство, ничего не скажешь.

На повороте я заметил в боковом зеркале белый фургон: он двигался к торговым кварталам, а не к старым гаражам. Я не стал устраивать гонку. Фургон ехал своим путём, зато на его заднем колесе налипла шелуха. Такая же лежала у рампы. Зерновой склад был неподалёку, и люди Рогова явно таскали груз через него.

— У старого зерносклада есть боковой въезд, — сказал я. — Если их железо идёт через него, мы сможем перехватить следующую погрузку. Но сейчас важнее чаша: водяной не будет ждать, пока они закончат торговаться.

— Склад запомни, — ответила Марина. — К нему вернёмся, если понадобится. А сейчас едем туда, где чашу можно увидеть своими глазами.

— На ночной рынок? — спросил я. — Рыбаки с «Чайки» могли отнести её старьёвщикам. Там хватает людей, которые за хорошую медь и с покойником поторгуются.

— Поедем, — сказала она. — Только чужие могилы снова не раскапывай ради выручки.

В кармане оставался вытащенный у ограды медный осколок. Я показал его Марине и положил в боковой отсек машины: если в чаше найдётся такой же излом, сомнений не будет. Мы не собирались покупать и продавать речную границу.

— До закрытия рынка успеем, — сказал я, прикидывая, где свернуть к трамвайным путям. — Платон Ефимыч ещё держит лавку. С ним можно договориться, если чашу принесли к нему.

— А если её уже унесли люди Рогова, придётся смотреть, куда они направятся. На слово им я не поверю.

— Мне бы ещё сухие штаны, — пробормотал я. — Но от них, судя по запаху, уже сама река отказалась.

Мимо закрытого спуска мы проезжали медленно. Двое прохожих уже потянулись к цепи, за которой проступали мокрые ступени. Марина попросила остановиться, выбежала и окликнула прохожих, показав на обрыв за оградой. Люди отступили и направились к настоящему спуску. Она вернулась через минуту. Ложная лестница мерцала за цепью; другие прохожие могли оказаться менее осторожными. Я тронулся с места, когда Марина захлопнула дверь.

Глава 8. Ночной рынок

На ночной рынок мы приехали через четверть часа после встречи у речного склада. Белый фургон Рогова уже стоял возле рыбного ряда: помятая задняя дверца, облупленная краска на крыле, на пороге — влажная шелуха. Эдик махал из-под навеса. За его спиной двое мужчин вытаскивали из фургона тяжёлый ящик. Я узнал красную куртку одного из них и припарковался подальше от разгрузки.

— Эти красавцы скупили рыбу у половины ряда, — сообщил Эдик, когда мы подошли. — А сами всё возле старой посуды ошиваются. С деньгами, видно, легче, чем с мозгами.

— Ты рыбаков с «Чайки» видел? — спросил я. — Тех, что вытащили железную чашу с двумя лодками на дне.

— Видел. Вчера сюда приходили. Сначала торговались у снастей, потом потащили добычу к Платону. А сейчас люди Костолома ходят по рынку, будто у них здесь наследство.

Марина кивнула на закрывающиеся ряды. Времени на долгие расспросы не оставалось: водяному мы обещали вернуть вещь, а Лавр уже искал Печать. Эдик отправился по своим делам, мы пошли за ящиками — пешком и не привлекая внимания.

На ночном рынке торговцы опускали жалюзи. Неоновые вывески отражались в лужах; с разгрузочного места доносился скрежет тележки. Где проходили люди Рогова, отражения в тёмных витринах на миг будто отставали от хозяев. Я держался поближе к светлым прилавкам.

Марина посмотрела на закрытую швейную лавку и остановилась.

— В бывшем ателье поселилась кикимора, — предупредила Марина. — Дверь не трогай, даже если она сама позовёт.

— А вчерашние гости случайно не вон те двое?

Краснокурточный вынес из фургона плоский металлический ящик. Его напарник зачем-то присел возле колёсной арки, затем оба двинулись к антикварным рядам. Он заметил меня тоже — и сразу отвернулся. Притворяться незнакомцами нам обоим давалось всё хуже.

Возле фургона работал ещё один грузчик — невысокий парень в потёртом рабочем жилете. Обвязка соскользнула с коробок; парень нагнулся за ней, и из кармана выпал детский рисунок: дом с розовой крышей, возле окна трое человечков. Он подхватил рисунок прежде, чем бумага намокла.

— Твоя? — спросил я, когда он поднялся.

— Полина нарисовала. Дочке пять. Я Денис. Если вы из-за товара, говорите с хозяевами. Я только груз переношу.

Его окликнули от фургона. Денис спрятал рисунок во внутренний карман и покатил тележку к заднему ряду. Я запомнил его лицо. Рогов нанимал людей драться за чужие вещи; Денис переносил ящики и думал, как вернуться к дочке. Начальнику, судя по окрикам, было всё равно, кого из них чем нагрузить.

— Сходи к рыбацкому ряду, — сказала Марина. — Я посмотрю, свободен ли проход к Платону с другой стороны. Не полезь за чужой чашей в одиночку.

Я миновал старинную утварь и свернул к прилавку со снастями. Женщина за ним наматывала леску на большую катушку. В соседней лавке десяток старых часов тикал вразнобой, словно каждый отказывался признавать чужое время.

Женщина за рыбацким прилавком замерла, заметив мой взгляд на старый ящик у ног. Леска натянулась между пальцами.

— За чашей пришли? — спросила она. — Зря торопились. Вчера с ней уже полрынка поссорилось.

— Если это железная чаша с двумя лодками на донышке, её ищет прежний хозяин, — ответил я. — И ему совершенно наплевать на рыночную цену.

Женщина посмотрела за моё плечо. Красная куртка мелькнула у соседнего ряда. Продавщица медленно убрала катушку под прилавок.

— Вам эта железка зачем?

— Хозяин просил вернуть, — ответил я.

— У реки спросил?

Марина вернулась с соседнего прохода как раз в тот момент, когда продавщица произнесла это слово. Услышав про хозяина реки, та даже не удивилась: похоже, здесь бывали покупатели постраннее нас.

— Спросил, — сказал я. — Вы её видели?

— Вчера приносили двое с «Чайки». Один в зелёном дождевике, хотя стояла жара. Просили две тысячи. Я отказалась: у меня снасти, а не скупка металла. Они пошли к Платону Ефимычу, в павильон под жестяной птицей.

— Они откуда её достали, не говорили?

— Сказали, со дна возле старого поворота. И радовались так, будто река им уже всё простила. Мне их смех не понравился.

Я вспомнил водяного, его узкие зубы и спокойную манеру обещать человеку неприятную смерть. Рыбаки явно слишком рано праздновали удачу. Продавщица кивнула на узкий проход между лавками.

— Только через швейную не ходите. Там снова вывески шалят.

Прямой проход к павильону Платона уже перекрыл краснокурточный. Мы с Мариной повернули к бывшему ателье, хотя продавщица предупреждала держаться от него подальше. Над запертой дверью косо висела вывеска «Ремонт одежды»: от нескольких букв остались только выцветшие контуры. Под козырьком шевелились цветные ленты. Я хотел протиснуться вдоль стены, но одна из лент вдруг потянулась мне к рукаву.

Изнутри послышалось: будто кто-то мелкими ножницами режет ткань, а поверх стрекота в ухо ударил хриплый окрик:

— Эй, покупатель! Проход свободен!

Я остановился. На двери висел тяжёлый замок, а шаги за стеклом переместились куда-то под козырёк. Красная лента затянулась узлом. Если это был свободный проход, я предпочёл бы платный.

— Предупреждала, — тихо сказала Марина. — У кикиморы здесь дом. Не ломай ничего.

За пыльным манекеном шевелилась маленькая тень с растрёпанной головой. Катушки на подоконнике сами перекатывались друг к другу. Ленты цепляли прохожих за рукава, но дальше своего узкого прохода не доставали. У хозяйки ателье были скромные владения и очень скверное настроение.

— Хозяйка, — сказал я осторожно, — нам надо пройти к антиквару. Мы ничего у тебя не берём.

— Все так говорят! — отозвалась тень голосом пожилой продавщицы. — А потом прибивают рекламу прямо на мои буквы. Скоро здесь будут продавать чехлы для унитазов!

Поверх старого названия кто-то приклеил объявление об аренде. Его край застрял в дверной щели, а липкая лента закрыла почти все буквы. Я поддел её складным ножом и снял объявление, не касаясь замка. Проявились выцветшие слова «Ателье „Надежда“». За дверью сразу стихло шуршание. Катушки перестали кататься, и лента разжала мой рукав.

— Надежда, значит, — пробормотал я. — Внезапно подходящее название.

— Платон дальше, — сказала кикимора уже своим хриплым голосом. — Под жестяной птицей. А сюда эту гадость больше не лепите.

— Договорились.

Марина посмотрела на меня с удивлением.

— Ты намерен знакомиться со всей городской нечистью по очереди? — спросила Марина.

— Если они все заставляют снимать чужую рекламу, мне пора просить отдельную зарплату, — ответил я. Марина тем временем отлепила ещё одну полосу плёнки с решётки. Кикимора наблюдала за нами с подозрением, но больше не хватала людей за одежду.

— Хорошо ещё, что она не потребовала вернуть ателье прежним владельцам, — заметила Марина. — У нас и без того чужих долгов хватает.

Под жестяной чайкой обнаружился Платон Ефимыч. Перед ним лежали старинные часы со стрелками, которые двигались каждая по собственному убеждению. Под полотенцем за прилавком темнела тяжёлая железная чаша. На ободе засохла речная грязь; когда старик повернул её, я увидел царапины в форме двух лодок.

— Из-за этой посуды? — спросил Платон, заметив Марину. — Сегодня трое торговались, потом двое угрожали. Четвёртый обещал, что я состарюсь раньше, чем закончу смену. Боюсь, с этой угрозой они опоздали.

Под нижней полкой стоял деревянный ящичек. Платон невольно придерживал его носком ботинка, хотя рядом было полно куда более дорогого старья. Я заметил, что его дно сидит в боковинах неровно, словно внутри спрятали ещё одну дощечку.

— Откуда этот ящик? — спросил я.

— Этот ящик Коргин мне когда-то оставил. Говорил: пустой, а на растопку не пускать. Я его и держу. Вы ведь за чашей? — Платон посмотрел на Марину. — Ваши соперники тоже хотят её забрать. Очень уж вежливо угрожают.

Я осторожно выдвинул нижнюю дощечку. В щели лежал потёртый кожаный шнурок с узлом, почерневшим от старого воска. Я видел такой на кошеле Коргина. Платон хмыкнул: прежний копатель часто прятал здесь мелочь, когда не хотел ходить по рынку с полными карманами. Однажды он сказал старику, что свой настоящий заработок оставит у зерновой дороги. Я вернул шнурок под дощечку. Чужая хитрость могла пригодиться, но красть её доказательство у Платона я не собирался.

— Значит, Коргин бывал здесь не только ради торговли, — сказала Марина.

— И умел прятать вещи так, чтобы даже опытный скупщик их не заметил. До поры.

Я вернул ящичек под полку. Платон накрыл чашу полотенцем и посмотрел в проход, откуда доносились тяжёлые шаги. Он явно хотел продать вещь и так же явно боялся людей Рогова. Для разговора у нас оставалось меньше минуты.

— За чашу попрошу две тысячи восемьсот, — сказал Платон. — И ещё хочу, чтобы вы вернули мой колокольчик. От отца остался. Люди Костолома забрали, будто я им должен за чужую покупку. Теперь грозятся продать тому, кто больше даст.

— Где он сейчас?

— У человека в серой шапке. Сегодня опять здесь вертится. — Старик машинально посмотрел на пустой крючок над прилавком. — Только не вздумайте за эту медяшку весь рынок разнести.

— Чашу мы заберём за вашу цену, — сказал я. — А колокольчик попробую вернуть. Сразу обещать победу над тремя здоровыми мужиками мне воспитание не позволяет.

— Если донесёте чашу до реки, хозяин воды оставит рынок в покое, — добавила Марина. — Эту вещь он помнит лучше, чем её прежних покупателей.

Платон взвесил чашу на руках. В глазах у него мелькнуло сомнение, но он всё-таки кивнул. Деньги я собирался отдать сразу, однако в конце ряда уже послышались тяжёлые шаги. Платон спрятал чашу глубже под прилавок и шепнул: «Сначала переживём гостей».

К павильону шли трое. Впереди краснокурточный с металлической трубой, следом рослый мужчина в серой шапке. Когда он повернул плечо, под расстёгнутой курткой коротко звякнуло. Платон сжал губы. Судя по его взгляду, я нашёл владельца чужого колокольчика.

Третий шёл чуть позади, с пустыми руками и таким спокойным лицом, что мне сразу захотелось проверить, где у него спрятано оружие. Краснокурточный толкнул калитку к прилавку.

— Хозяин! Ты там наш товар всё ещё прячешь?

Он уже встречал меня во дворе и, кажется, мечтал продолжить разговор. Серый шапочник держался сзади, ближе к выходу, словно заранее решил, что добычу понесёт именно он.

— О, копатель, — сказал краснокурточный. — Мы тебя везде ищем.

— А я не рекламируюсь. Видимо, зря.

Краснокурточный потянул калитку на себя. Марина встала чуть сбоку, чтобы видеть его руки и не заслонять мне проход. Платон ухватился за чайник. В этот момент за спинами троих появился ещё один человек — в дорогом тёмном пальто, с кожаными перчатками в руке. Узкое лицо, седина на висках, сухие чистые ботинки среди рыночной грязи. Он шёл неспешно, и даже люди Рогова обернулись.

— Лавр Седов, — тихо сказала Марина.

Вампир остановился у соседнего прилавка. Под жёлтой лампой его лицо выглядело почти обычным. Только взгляд задержался на моём горле чуть дольше, чем принято в приличном обществе.

— Артём Горин, — произнёс он. — Наконец познакомились. Мне рассказывали, что вы упрямы.

— В основном работодатели. Вы тоже решили проверить?

— Меня интересует бронзовая Печать. Я предложил Рогову купить её, но у него, как выяснилось, плохие отношения с действительным владельцем. Возможно, мы сумеем обойтись без его посредничества.

Он не смотрел на чашу. Его интересовала Печать в моём рюкзаке. Я почувствовал, как лямка режет плечо, и перестал её поправлять: незачем показывать человеку место, где спрятано самое дорогое чужое железо.

— Печать не продаётся, — сказал я.

— Всё продаётся, если покупатель понимает цену. Двести тысяч рублей за одну бронзовую пластину. Наличными, без ожидания зарплаты.

Я прикинул, сколько смен в мастерской стоит его предложение. За двести тысяч можно было спокойно дожить до зимы, починить машину и перестать считать последние деньги перед зарплатой. Потом вспомнил лестницу в подъезде Фомича и русалок, перепутавших берег с могильными ступенями. Лавру досталась бы Печать, а соседям — чужие мертвецы под окнами.

— Отказываюсь, — сказал я. — Извините, у меня сложные отношения с недвижимостью мёртвых.

Лавр слегка улыбнулся. Мужчина в красной куртке улыбаться перестал.

— Мы за миской пришли, — буркнул он. — Отойди.

— Миска у меня, — сказал Платон Ефимыч из-за спины. — И вам я её не отдаю.

Краснокурточный дёрнул калитку. За его спиной Денис пытался развернуть тележку с коробками в узком проходе. Рядом стоял Платон с чашей. Если эти двое начнут махать железом, первым пострадает тот, кто вообще не участвовал в торге.

— Денис, к стене! — крикнул я. — Тележку уведи из прохода!

Денис резко повернул колёса. Краснокурточный ударил трубой, и я успел подставить деревянный ящик. Крышка треснула, кружки посыпались на плитку. Я ногой повернул настольный фонарь к тёмному промежутку между павильонами. Свет перерезал тень, через которую Лавр мог бы шагнуть к нам складкой. Сам вампир остался на месте, внимательно следя за моей рукой.

— Платон, уходите через боковую дверь, — сказал я. — Чашу держите крепче.

Старик прижал железо к груди и покачал головой. С колокольчиком он уже расстался по чужому требованию. Теперь, похоже, собирался умереть за чашу, которую ещё даже не успел продать.

Человек в серой шапке пошёл наперерез Платону. Я поднял крышку ящика вместо щита и ударил нападавшего по плечу. Марина натянула связующую нить между стойками, перекрыв ему короткий путь. После этого она пошатнулась и опёрлась о край прилавка. Второго такого приёма я у неё не попросил.

Лавр вышел из-под навеса, обойдя освещённую полосу обычным шагом. Не сводя глаз с людей Рогова, произнёс:

— Вы ломаете товар, за который ещё не заплатили. Ваш хозяин действительно собирается покупать Печать таким способом?

Краснокурточный обернулся к вампиру. Я метнулся к человеку в серой шапке: из-под его куртки снова звякнул колокольчик. Почти достал. Но Денисова тележка, задетая чужим локтем, покатилась на Платона. Мне пришлось отказаться от погони и подставить плечо под тяжёлые коробки. Колёса больно ударили по ноге, зато старик успел отскочить.

Серый шапочник воспользовался заминкой. Он рванул к боковому ряду, пряча колокольчик под куртку. Я увидел, как Платон проводил его взглядом, и понял, чего нам стоила эта секунда. Денис помог удержать тележку, пока Марина отпускала натянутую нить.

— Чашу забирайте, — сказал Платон, выходя из-за прилавка. — Только не дайте им утащить обратно. И больше у меня здесь войну не начинайте.

Я укрыл чашу курткой. Мы отстояли железо для водяного и не дали задавить грузчика, но колокольчик Платона уходил вместе с человеком Рогова. Даже удачная драка оставляла долги. Старик смотрел на пустой крючок над прилавком и молчал.

Денис поднял порванную обвязку и попросил не говорить начальству, что он бросил тележку. Из кармана снова выглянул рисунок Полины. Он кивнул на тяжёлый сундук, который люди Рогова поспешно катили под закрытый навес. «Его уже одним продали, — шепнул он. — А сегодня пришли другие, тоже за своим. Ящик-то один». За последние сутки я привык к чужим обещаниям. На этом рынке они могли ударить больнее трубы.

— Достаточно, — сказал Лавр. — Я видел, как вы все торгуетесь.

Краснокурточный посмотрел на вампира с ненавистью. Тот стоял на границе света, неподвижный и заметно голодный. Под его взглядом я невольно втянул голову в ворот куртки. Лавр спокойно поправил перчатки и обратился ко мне:

— Моё предложение остаётся в силе. Полагаю, следующий разговор выйдет спокойнее.

— Смотря кто принесёт подсвечник, — ответил я.

Он пошёл в сторону боковых рядов обычным шагом. Люди Рогова потянулись следом, недовольно огрызаясь друг на друга. Лавр не пытался перескочить через освещённые проходы: вокруг было достаточно свидетелей, а плотные тени разрывались светом витрин. Один раз он стиснул челюсти у мясного прилавка. Голод напоминал о себе даже богатым вампирам.

Платон Ефимыч снова поставил чашу на прилавок. Очки сползли ему на кончик носа, волосы торчали во все стороны. Он долго смотрел на перевёрнутые часы, битое стекло и разбросанные кружки. Потом протянул мне чашу, не торопясь отпускать ручку.

— Две тысячи восемьсот, — сказал он. — Как договаривались. И за колокольчик своё слово держи.

Я отдал Платону две тысячи восемьсот рублей. Он спрятал деньги, а я наконец смог взять чашу обеими руками. Плата за неё не отменяла обещания водяному и не уменьшала долга перед стариком.

— Верну, если доберусь до того типа, — сказал я. — Вы знаете, где он бывает?

— Шляется тут с людьми Костолома. На правой перчатке большой палец порван. Вчера он и забрал колокольчик. Сказал: захочу услышать звон — заплачу Рогову. — Платон потёр пустой крючок. — Я старый, но глухим пока не стал. Запомни.

Я поднял чашу. Внутри пахло речной тиной и ржавчиной. На дне были выцарапаны две лодки, а вдоль медного ободка шёл неровный скол. Я достал осколок, найденный под пристанью, приложил его к повреждённому месту. Края совпали. Теперь я точно знал, что держу вещь водяного, а не похожую посудину, которую мне захотели продать за хорошие деньги.

Мы с Мариной помогли поднять стойку и собрать уцелевшие часы. Платон ворчал, но от помощи не отказался. Пока мы выбирались из ряда, из бывшего ателье послышался скрипучий окрик:

— Механик, объявление назад не лепи!

— Меня за эту работу не нанимали, — ответил я. — Да и тарифы у тебя суровые.

Кикимора коротко хихикнула. Обычная жизнь рынка продолжалась: люди выбирали фрукты, возле остановки шумел автобус, из кафе доносился спор о футболе. Для большинства это была драка из-за старой посуды. Я уносил чашу и два обещания — речному хозяину и человеку, у которого украли семейную вещь.

Возле машины Марина остановилась. По лицу было видно, что она едва держится после связующей нити.

— Лавр теперь знает тебя в лицо, — сказала она. — И Печать у тебя не забрал. Значит, попробует ещё. В следующий раз он не обязательно станет разговаривать.

— Зато у нас чаша.

— И колокольчик у людей Рогова, — напомнила Марина.

Я уложил чашу в багажник, накрыл курткой и отодвинул от свёртка с Печатью. Речному хозяину следовало вернуть его имущество, пока Рогов снова не привёл покупателей.

— Раз уж они знают твою машину, — сказала Марина, — ехать домой с этим грузом нельзя. Пока Лавр думает, что мы прячем чашу, вернём её владельцу.

У выхода из рынка мелькнул знакомый силуэт в дорогом пальто. Лавр стоял под навесом и смотрел на наш багажник. Улыбка его мне не понравилась: казалось, он уже прикидывал, по какой дороге мы попробуем уйти.

Я завёл двигатель. Белый фургон потянулся следом почти сразу. Мы выбрали освещённый проспект, затем свернули к старой пристани. В зеркале заднего вида чужие фары не отставали. Река уже однажды выручила нас. Теперь я надеялся, что её извилистый берег поможет оторваться и от чужих фар.

Глава 9. Берег помнит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.